

MORTAL ZONE

Эльхан Аскеров

Алмазная пыль

Mortal Zone

Эльхан Аскеров

Алмазная пыль

«Лениздат»

2010

Аскеров Э.

Алмазная пыль / Э. Аскеров — «Лениздат», 2010 — (Mortal Zone)

На этой земле нет законов – ни Божьих, ни человеческих – здесь каждый выживает как может. Но те, кто живут за пределами этой зоны, так не считают. Здесь сошлись интересы правительств, спецслужб разных стран и авантюристов всех мастей. Но кто получит главный приз и какую цену он за это заплатит?

© Аскеров Э., 2010

© Лениздат, 2010

Эльхан Аскеров

Алмазная пыль

*На рогах дьявола нимб держится крепче.
Станислав Ежи Лец*

...Сознание возвращалось медленно, словно рывками. Пашка попытался открыть глаза, но вместо этого смог только чуть шевельнуть мышцами лица. Словно сквозь вату, где-то далеко, почти на грани слышимости раздался тихий, обрадованный всхлип:

– Кажется, приходит в себя!

Что-то влажное и очень мягкое коснулось его лица, и на пересохшие губы скатилась капля воды. Огромным усилием воли, он сумел разлепить спёкшийся рот, пытаясь ухватить эту случайную каплю влаги. Пить хотелось страшно. А ещё очень хотелось понять, что происходит и где он оказался.

Понимая, что просто так ему никто ничего не расскажет, Пашка принялся медленно проводить инвентаризацию собственного тела. Для начала нужно было понять, что с ним такое. Прислушавшись к своим ощущениям, он неожиданно понял, что конечности на месте, только почему-то сильно онемели. Голова тоже присутствует, но такое впечатление, что находится не на плечах, а где-то рядом, на тумбочке.

А самое паршивое, что он плохо слышит и ничего не видит. И лицо. Лицо было словно чужим. Не живая плоть и кожа, а фарфоровая маска, стянувшая мышцы в сплошную застывшую корку. Отложив на время попытки открыть глаза и осмотреться, Пашка осторожно вздохнул и продолжил самодиагностику.

Убедившись, что мыслит, а значит, где-то даже существует, он решился сделать ещё одну попытку и принялся медленно напрягать мышцы торса. В ту же минуту острая боль пронзила всё тело от шеи до паха. С трудом подавив стон, он прислушался к себе и, убедившись, что источник боли находится впереди, медленно напряг спину.

Похоже, здесь всё было в порядке. Теперь, вспоминая метод знаменитого сыщика, можно сделать вывод, что его что-то здорово шарахнуло спереди. Осталось только вспомнить, что это было и как он дошёл до такой жизни. Самое паршивое, что вернувшееся сознание не привело за собой память.

Он помнил, что его зовут Павел, помнил, что когда-то служил в имперской армии. Помнил... А вот дальше он ничего не помнил. Даже собственной фамилии. И это было обиднее всего. Прямо какой-то *homo incognito*.

«Так это уже ниточка, – мелькнула обрадованно мысль. – Похоже, хоть что-то я вспомнить умудряюсь, кажется, где-то чему-то даже учился», – подумал Пашка, одновременно прислушиваясь к тому, что происходило рядом.

Чьи-то ловкие и осторожные руки, покончив с умыванием, принялись снимать что-то с его головы.

«Похоже, бинт», – успел подумать он и тут же застонал от хлынувшего в глаза яркого света.

Рядом кто-то тихо охнул, и свет быстро приглушили до вполне терпимого состояния. Снова раздались шаги, и на лоб опустилась влажная салфетка. Что это такое и почему именно влажная, Пашка понял уже потом, а тогда, очнувшись, он знал только одно: кто-то ухаживает за ним, делая это очень осторожно и очень профессионально.

Зрение возвращалось тоже медленно, но намного быстрее памяти. Уже через полчаса он мог спокойно рассмотреть помещение, в котором находился. Небольшая, одноместная палата. Квадратная комната, стены которой были выкрашены в тёплые пастельные тона.

Слева у входа находился санузел. Душевая кабина и унитаз, закрывавшийся клеёнчатой занавеской. Напротив дверей высокое окно из металлопластика. Фирменный стеклопакет. Эту деталь он отметил уже позже.

У кровати стойка с прозрачными пакетами капельницы, а у стены длинная стойка с приборами и мониторами. Всё это хозяйство шуршало, мигало и еле слышно попискивало. Опустив глаза, Пашка сумел рассмотреть, что его грудь и руки обвешены датчиками и катетерами.

Переведя взгляд на находившихся рядом людей, Пашка сморгнул набежавшие от света слёзы и в очередной раз вздохнул. Мужчина, очевидно врач, среднего роста, с кустистыми, седыми бровями, кривым, хрящеватым носом и глубоко посаженными серыми глазами смотрел на Пашку так, словно тот был не человеком, а каким-то странным гуманоидом, попавшим в эту роскошную палату непонятно как.

Ослепительно белый халат и такого же цвета колпак довершали картину. В руках он держал пачку листов и, что-то быстро просматривая, делал в них пометки. Скосив глаза, Пашка принялся рассматривать сидящую рядом медсестру. Умывавшая его девушка, на взгляд человека с нормальной ориентацией, была зрелищем более приятным, чем напоминавший кондора врач.

Лет двадцати семи, с волосами медного оттенка, аккуратно убранными под колпак, кожей цвета топлёного молока и россыпью веснушек по тонкой, трогательно нежной переносице. Широко расставленные зелёные глаза лучились искорками смеха, а круглые бархатные щёки украшались очаровательными ямочками, стоило ей только улыбнуться.

Дальше Пашка рассмотреть не сумел. Девушка сидела у его кровати, ловко и осторожно обтирая ему лицо и грудь влажными салфетками. Её руки с длинными, музыкальными пальцами касались его кожи так, словно боялись причинить боль.

Покончив с умыванием, сестричка быстро сложила использованные салфетки в пластиковый мешок и, подхватив его, вышла, на прощание мило улыбнувшись лежащему пластом Пашке. Проводив её невысокую аппетитную фигурку долгим взглядом, Пашка нехотя перевёл глаза на врача.

Не обращая внимания на сестру и больного, тот продолжал что-то чиркать в своих бумагах. Потом, небрежно бросив их на широкий подоконник, он прошёлся по палате и, встав у изножья кровати, с интересом посмотрел на лежащего перед ним больного. Молчание затянулось, и Пашка не собирался его нарушать. Говорить ему почему-то не хотелось.

Словно прочтя его мысли, врач сунул руки в карманы халата и, качнувшись с носка на пятку, спросил:

– Ну, и кто же ты всё-таки такой?

– Я думал, вы мне это скажете, – просипел Пашка, облизывая пересохшие губы. – Воды дайте, – попросил он, сообразив, что без просьбы рискует засохнуть от жажды.

– Ты не ответил на вопрос, – проговорил врач, проигнорировав его просьбу.

– А нечего отвечать. Не помню, – огрызнулся Пашка, быстро осматриваясь в поисках чего-нибудь, что можно было бы пить.

– Ты уверен? – настойчиво спросил врач, не сделав ни одного движения, чтобы дать ему воды.

– Я у вас воды просил, – мрачно напомнил Пашка, начиная злиться.

– Не думаю, что тебе можно пить, – качнул головой врач.

– А я не спрашивал, что вы думаете, я воды просил, – снова просипел Пашка, чувствуя, как начинает свирепеть, а сухое горло дерёт так, словно он был не в больнице, а в пустыне, под палящим солнцем.

– Не хами, – скривился врач и, шагнув в угол, открыл холодильник.

Достав из его белого нутра маленькую, граммов на сто, бутылочку минералки, он ловко свинтил пластиковую пробку и, поднеся бутылочку к Пашкиным губам, быстро предупредил:

– Постарайся не глотать. Просто смочи рот и горло.

Покорно кивнув, точнее, попытавшись это сделать, Пашка жадно прильнул губами к горлышку и, набрав полный рот роскошной, прохладной воды, принялся катать её языком по нёбу, едва не застонав от наслаждения. Медленно, словно нектар, он проглотил живительную влагу и, облизав сухие губы, с облегчением вздохнул.

– Что со мной? – спросил Пашка, не сводя глаз с бутылочки.

– Множественные ожоги тела и лица, сквозное ранение брюшной полости, ушибы, растяжения, гематомы, сотрясение мозга, в общем, проще сказать, чего у тебя нет, – небрежно пожал плечами врач.

– И чего же у меня нет? – не отставал от него Пашка.

– Переломов и триппера, – усмехнулся в ответ врач, убирая бутылочку обратно в холодильник. – Даже удивительно. Привезли кусок мяса с бойни, а не человека. Но ни одного перелома, даже трещин нет. И вот ещё что мне совершенно непонятно. Доза радиоактивного заражения в твоей крови почти на смертельном уровне, но ни лейкокротия, ни даже намёка на раковые клетки в твоём организме не наблюдается. Странно.

– А что тут странного? – не понял Пашка.

– То, что ты уже давно должен был облысеть и начать заживо разлагаться, а ты, вместо этого, живёшь, поправляешься и даже на медсестёр уже заглядываешься, – с кривой усмешкой ответил врач.

– Так что вас всё-таки не устраивает? – не удержался от шпильки Пашка. – То, что я жив, или то, что на сестёр заглядываюсь?

– Меня не устраивает то, что ты своим существованием опровергаешь все научные сентенции. Я же сказал, ты давно должен был умереть. Больше того, твои раны заживают намного быстрее, чем у любого другого. А это уже ненормально и подлежит тщательному изучению, – задумчиво отозвался врач, снова возвращаясь к своим записям.

– С чего вы взяли, что это ненормально? – растерялся Пашка.

– С того, что я это знаю, – ответил врач, наставительно выставив указательный палец.

– Претендуете на изречение истины в последней инстанции? – попытался усмехнуться Пашка, но тут же зашёлся сухим, лающим кашлем.

Словно в наказание за спор с научным светилом, тупая, ноющая боль разом превратилась в раскалённый прут, пронзивший ему живот и грудь. Спазм завязал узлом мышцы пресса, выжимая из лёгких последний воздух и не давая ему сделать вдох.

Индикаторы и линии на мониторах обеспокоенно замигали и запрыгали, сигнализируя о возникших проблемах. Быстро отложив бумаги, врач выхватил из стойки стерильную кювету и, достав из неё уже заполненный какой-то гадостью шприц, быстро вонзил иглу в катетер. Нажав на поршень, он ввёл лекарство в Пашкину вену и, бесцеремонно повернув его голову к себе, ловко оттянул веко, заглядывая в зрачок.

Боль медленно отступила, но Пашка в борьбе с ней растерял все остатки тех немногих сил, которые у него были. Кашель отступил. Вместе с ним отступила и резкая боль, заставлявшая его сжиматься и тщетно сражаться за каждый глоток воздуха.

Убедившись, что пациент жив и даже снова начал дышать, врач удивлённо покачал головой и, отпустив Пашкину голову, медленно вернулся к изножию кровати. В очередной раз качнувшись на носках, он с интересом посмотрел на Пашку и, склонив голову на плечо, спросил:

– Может, всё-таки скажешь, как тебя зовут, красавец?

Интонация, с которой он произнёс последнее слово, насторожила Пашку, но спорить и огрызаться сил уже не было.

– Пашка, – тихо просипел он, чувствуя, как стремительно проваливается в сон.

* * *

К запаху пожухлой травы отчётливо примешивался запах солярки. Осенний, уже слегка подмороженный утренними холодами лес давал ему возможность отделить один запах от другого. Летом это было бы невозможно.

Лес закончился внезапно. Перед ними враз открылось неширокое высохшее поле, утыкающееся в минное поле. Дальше колючая проволока, ворота КПП и пулемётные гнёзда. Всё это выросло буквально за несколько дней, сразу после уничтожения северного поселения. От уничтожения успели спастись только «Вампиры», успевшие перенести гнездо «гораздо» южнее.

Вождь «Вампиров» со странным именем Санта, женщина лет сорока, больше напоминала не женщину, а титулованного культуриста. Подтянутая, мускулистая, резкая в движениях, она казалась скрученной из мышц и сухожилий. Все части тела, включая грудь и пятую точку, у неё были словно каменными и при случайном столкновении могли оставить вполне ощутимые синяки.

Чёрные как антрацит глаза и жёсткий ежик коротко стриженных, с лёгкой проседью волос довершали картину. Только руки, точнее кисти, с длинными, изящными, удивительно тонкими пальцами, больше подходящими музыканту, выпадали из образа суровой ночной богини неба, выдавая её нежную, почти ломкую женскую сущность.

Он познакомился с ними случайно. После службы в армии небо продолжало тянуть его своей бездонной глубиной, и он не смог устоять перед этим зовом. Едва успев снять изрядно надоевшую форму, он отправился на маленький аэродром под Питером, где такие же, как он, энтузиасты и просто ушибленные небом люди делали всё, чтобы вновь и вновь ощутить пьянящую свободу полёта. Пусть даже ценой собственной жизни.

Во времена долгих лет демократии и свобод все аэроклубы и частные самолёты превратились в источник дохода для особо ловких дельцов. Все летательные аппараты, давно уже отслужившие свой век, латались на ходу, просто на коленке, и тут же снова выпускались в полёт.

Но это не останавливало настоящих любителей летать. Отлично зная, что каждый вылет может закончиться падением, они продолжали поднимать эти летающие дуршлаг в воздух. Те, кто поумнее или менее рискованные, предпочитали собирать аппараты сами.

Всё было до смешного просто. Дюралевый каркас, десяток метров парашютного шёлка и мотор от старой бензопилы, к которому присобачивался винт, забранный в сетку из тонкой проволоки. Это и был мотоплан. Некоторые умудрялись даже приделать к этой конструкции сиденье и колёса, чтобы легче было взлетать.

Присмотревшись к этим крыльям, он решил однажды попробовать сделать его сам. Но как всегда, помешала нужда. Не имея постоянного места работы, он перебивался случайными заработками. Смена правящей власти не сильно отразилась на жизни народа.

Бесспорно, перестали грабить на улицах среди белого дня, не стало обдолбанных до синевы наркоманов, но найти приличную, доходную работу всё равно было сложно. Не имея диплома о высшем образовании и солидных рекомендаций, мечтать о доходной работе не приходилось.

Не склонный к пьянству или каким-то подобным подвигам, он полностью отдался своему любимому делу. Все заработанные гроши он откладывал для покупки мотоплана. Но для того, чтобы хоть как-то утолить жажду полёта, он прыгал с парашютом. Вспоминая старинную поговорку российских десантников, он всегда говорил: «Три секунды ангел, три минуты орёл», забывая о продолжении. Десантники всегда добавляли: «Всё остальное время беговая лошадь».

Вскоре, выполнив норматив мастера спорта по прыжкам, он попал в поле зрения людей, промышлявших не вполне законным бизнесом. Точнее, совсем незаконным. Контрабандисты, перебрасывавшие через южные границы наркоту.

Решив для начала попробовать его на прочность, они организовали случайное нападение, слабо замаскированное под ограбление. Вечером, после прыжков, когда он возвращался с аэродрома домой, его встретили. Трое, широкоплечие, мускулистые, явно не отягощённые интеллектом и моралью, они стояли так, чтобы полностью перекрыть узкий переулочек, по которому ему предстояло пройти, чтобы попасть домой.

Точнее, в общежитие, где ему было выделено законное койко-место. Полутёмное пространство переулочка и днём-то пользовалось дурной славой, а уж вечером обыватели от него шарахались как чёрт от ладана. Заметив троицу, он поправил лямку рюкзака, в котором возил амуницию для прыжков и, быстро оценив стоящих как бойцов, решительно двинулся по переулочку.

Как и следовало ожидать, троица заметно оживилась и, веером расходясь по переулочку, двинулась ему на встречу. Быстро прокачав ситуацию, он с ходу, не вступая в разговоры и дебаты, одним движением сорвал с плеча тяжёлый рюкзак и, швырнув его в лицо парню, идущему справа, резко пнул второго в пах тяжёлым армейским берцем.

Не останавливаясь, он стремительно метнулся к третьему и, не рассуждая, ткнул его растопыренными пальцами в глаза. Не ожидавший такого коварства боец взвыл, как проклятая душа, и, прижав к лицу широкие, короткопалые ладони, сложился пополам.

Не давая опомниться первому бойцу, он стремительно развернулся, нанося удар ребром ладони наотмашь. Но боец оказался не совсем отмороженным и успел пригнуться, принимая удар на лобную кость. Сила удара, помноженная на скорость разворота и вес тела, отбросила его к стене.

Мотнув головой, как оглушённый бык, боец попытался восстановить равновесие, но он не дал ему опомниться, нанеся ещё один удар, на этот раз в горло. Тихо хрустнула разбитая гортань, и отморозок, хрипя и булькая кровью, начал медленно оседать.

Быстро оглянувшись, он стремительно скользнул к стоящему на коленях парню, страдальчески прижимавшему ладони к ширинке, и резко ударил его кулаком в висок. Убедившись, что добавки никому не требуется, он подобрал свой рюкзак и широким шагом вышел из переулочка.

Свидетелей этой схватки не было, и он сумел уйти незамеченным. Но на этом его приключения не закончились. Узнав, как он расправился с направленными за ним людьми, контрабандисты приступили к полномасштабной вербовке.

Именно тогда, уходя от навязчивого внимания этих людей, он попал в поле зрения «вампиров». Точнее, их главаря, Игоря. Фамилию Пашка так и не удосужился спросить. Узнал только, что господин Игорь давно уже отошёл от дел и передал бразды правления гнездом той самой железной Санте.

Прибывший в империю по делам бизнеса Игорь не удержался и по старой привычке отправился на аэродром, по его же собственным словам, сменить обстановку. Именно там он и заметил отчаянного парашютиста, осмелившегося на затяжной прыжок при сильном боковом ветре с Балтики.

Отбросив чванство и снобизм, Игорёк сам подошёл к отчаянному парню и, завязав непринуждённый разговор, быстро выяснил, кто он и чем занимается. Это оказалось не сложно. Парню и рассказать-то особо нечего было. Воспитанник детдома, отслуживший в воздушно-десантных войсках, точнее, десантно-штурмовом батальоне особого назначения, перебивающийся случайными заработками. Из увлечений только книги, рукопашный бой и небо.

Недолго думая, Игорь предложил парню работу. Именно ту, которая ему пришлась по душе. Летать через границу Зоны Совместного Влияния. Тоже контрабанда, но другая и за другие деньги. А кроме того, товары, перевозимые в ЗСВ, могли спасти жизни десятков, если не сотен людей. Лекарства, оружие, боеприпасы – всё это требовалось в зоне тем, кто оказался

там после Потопа или был выброшен за колючку силами безопасности сразу нескольких стран, граничащих с зоной.

И вот теперь он и человек со странным прозвищем Немой засели в осенних облетевших кустах, внимательно рассматривая в контрабандные бинокли северную границу, разом, одним прыжком сместившуюся на несколько десятков километров в глубь зоны. Немой, сухой, жилистый мужик лет тридцати, медленно опустил бинокль и, сжав зубы так, что на скулах заходили желваки, тихо сказал:

– Окопались, сволочи.

– Ты чего, Немой? – растерянно спросил он.

Столь длинный монолог был так неожидан, что он растерялся. Если Немой произносил в сутки более трёх слов подряд, это считалось праздником. В таких случаях он, всегда усмехаясь, констатировал:

– Разговорился, ритор.

Но сегодня Немой превзошёл самого себя. Уже трижды за два часа, что они наблюдали за КПП и границей, он выдавал в воздух мрачные ругательства, адресованные непонятно кому. Наблюдая за своим учителем, он в очередной раз удивился, как ловко и бесшумно этот крепкий человек движется по ломкой, подмороженной осенним морозом траве.

А ведь его никто специально этому не учил. Хотя, судя по ухваткам, учитель у него всё-таки был. И не простой, мрачно заметил про себя он. Его и самого многому учили, но не так сильно, как хотелось бы. Будучи просто рядовым составом, они проходили обучение по ускоренной, облегчённой программе.

Смертники, не пушечное мясо, но смертники. Именно так их называли инструкторы по спецподготовке. Камикадзе, которых отправляют выполнять приказ любой ценой, и чаще всего этой ценой становилась их жизнь. Короткий, но очень насыщенный событиями конфликт с южными соседями это ясно показал.

Они получили приказ перекрыть перевал в горах Тянь-Шаня, по которому из Афганистана в Таджикистан шёл огромный поток опиума. Власти между собой каким-то образом договорились, и они, получив приказ, в течение двух суток были переброшены прямо на перевал.

Территориальную принадлежность этого клочка скал назвать не решился бы никто, поэтому всё оружие, амунция и даже одежда были укомплектованы так, чтобы самый придирчивый эксперт не смог определить, откуда они взялись и чего хотят.

Бельгийские автоматы, французские гранаты, английские ранцы и украинские разгрузки. Короче, рота европеоидов, вооружённых и одетых с миру по нитке. Даже жетоны им приказали оставить в штабе.

Десантировавшись прямо на перевал, они с ходу угодили прямо в середину каравана наркоторговцев. В итоге, ещё даже не приступив толком к операции, они потеряли почти половину личного состава группы. Пришлось срочно менять весь рисунок операции и, разделившись, начать молотить всё, что шевелится.

Расправившись с караваном, они принялись быстро минировать окрестные скалы. Взрывчатки у них с собой было столько, что хватило бы запустить на орбиту Тадж-Махал. Но закончить им не дали. Спустя четыре часа из-за скалы показался ещё один караван. Выставленное охранение заметило выходящих из-за поворота ослов, груженных тюками с опиумом.

Им осталось установить только несколько зарядов и можно было уходить с перевала к точке рандеву, но появившийся караван спутал им все планы. Командир группы, отчаянный капитан, украшенный шрамами и медалями, принял смелое решение.

Подпустив караван к самому перевалу, они принялись забрасывать его гранатами. Уже через десять минут торговцы отступили. Держа тропу под прицелом, они продолжили минирование. Самое трудное в этом деле было правильно расположить заряды.

Скалы должны были рухнуть так, чтобы перекрыть перевал раз и навсегда. Но для этого взрывчатку нужно было расположить в соответствии с выданной им схемой. Но вконец обнаглели торговцы дурью не спешили отступать, считая, и вполне законно, все окрестные тропы своей вотчиной.

Едва успев заложить брикеты пластида в указанных на схеме точках, они были снова атакованы. На этот раз боевики не стали изобретать велосипед и попёрли в атаку чуть ли не в полный рост. Огрызаясь короткими очередями, они дружно проклинали выданные им бельгийские трещотки с облегчённым боеприпасом.

Облегчённые пули калибра 5,3 миллиметра, выпущенные из укороченных стволов, иногда даже не пробивали тяжёлые овчинные тулупы, подбитые войлоком, в которые были одеты караванщики. В очередной раз выругавшись, капитан помянул недобрым словом аналитиков и разведку, при этом вслух мечтая получить в руки настоящий АКМ со старым добрым патроном 7,62.

Именно таким оружием и были вооружены караванщики. И именно поэтому выданные им броники не спасли большую часть группы. На коротком расстоянии тяжёлые пули прошивали их словно жёсть. В очередной раз отбросив духов, они заложили последние заряды и, активировав взрыватели, начали потихоньку отходить.

Но словно прознав об их планах, духи снова атаковали. Укрывшись за огромными валунами, они с мрачной решимостью поглядывали на командира, ожидая его решения. Но длинная очередь, выпущенная из РПК, внесла свои коррективы.

Четыре пули раздробили голени капитана, превратив их в страшную мешанину из осколков костей, разорванных мышц и обрывков штанин. Быстро перетянув ему ноги выше колен, оставшиеся в живых мрачно переглянулись.

Спецназ своих не бросает, но и уйти с таким грузом они просто не смогут. Их осталось слишком мало. Вкатив себе в вену укол обезболивающего, капитан криво усмехнулся и, обведя сидящих рядом мальчишек долгим взглядом, тихо приказал:

– Дайте мне три гранаты, пару рожков и уходите.

– Капитан... – начал было один из ребят, но командир быстро пресёк все споры:

– Вас ждут на точке. Со мной вы туда к сроку не дойдёте. Кроме того, кто-то должен нажать на кнопку. С этими тварями на плечах мы далеко не уйдём, а сами они от нас не отстанут. Ещё случая не было, чтобы духи упустили шанс рабов захватить. Всё, уходите. Я удержу их, сколько смогу, а вы постарайтесь скатиться в долину. Иначе может оползем от взрыва накрыть. Всё, пошли, – резко скомандовал он, и ноги сами понесли бойцов прочь от перевала.

Не бояться и выполнить приказ любой ценой, именно это им вбивали каждый божий день на протяжении вот уже двух лет. Срок службы в армии после смены демократии на монархию был определён четыре года для сухопутных войск и пять лет для морских. Только войска быстрого реагирования, во все времена считавшиеся элитой всей армии, служили по три года, но и то не всегда.

Принимавшие участие в боевых операциях после реабилитации проходили комиссию, которая и решала, годен ли кандидат к дальнейшей службе или ему пора на покой, в мирную жизнь, пока он окончательно не превратился в кровавого монстра или слюнявого идиота. Далеко не каждый был способен пережить ужасы войны.

Они успели уйти от перевала и свернуть на козью тропу, ведущую в долину, когда окрестные скалы потряс мощный взрыв. С карниза, нависавшего над тропой, посыпались камни, а сама тропа, вздрогнув, вдруг словно вздыбилась, норовя сбросить шедших по ней бойцов.

Вжимаясь в скалы так, словно мечтая срастись с ними, они лежали на тропе, думая только о том, как не попасть под оползень или лавину. Но им повезло. Грохот обрушившихся скал сменился хрустальной тишиной, на смену которой пришёл мрачный, шипящий гул сходящей с горы снежной лавины.

Они даже не пытались вставать, уцепившись окоченевшими пальцами за валуны и плотно зажмурив глаза. Их долго приучали к смерти, внушали, что умереть, выполняя приказ, это не страшно, а почётно. Но умереть в бою и быть погребённым под сотнями тонн снега – разные вещи.

В чувство их привёл громкий, раздражённый клёкот грифа, медленно парившего над скалами. Приподнявшись, остатки группы быстро собрались в кучу и, нервно оглядываясь, принялись решать, что делать дальше. Они выполнили приказ и теперь могли со спокойной душой уходить на точку подхвата, но вполне возможно, что у капитана был приказ убедиться в точности выполнения задания.

Так и не придя к однозначному решению, они отправились дальше, справедливо рассудив, что приказа на проверку у них не было, а капитан им такого приказа не отдавал. Значит, своё дело они сделали, а если командованию нужно, пусть заказывают спутниковую съёмку местности.

Воспоминаний о скоротечном, но кровавом бое и бледном до синевы от боли лице командира им хватило надолго. Из группы в двадцать человек к точке randеву вышли только пятеро. Они выполнили задачу, потеряв три четверти личного состава. Но самое поганое, что винить в этом было некого. Даже разведка не могла точно сообщить, когда и с каким интервалом духи проводят караваны через этот перевал.

Проведя в реабилитационном госпитале два месяца, он прослужил ещё полгода и был демобилизован по сроку службы. С выплатой премии за боевые условия и благодарностью в личном деле от командующего армией. И ни слова, ни строчки о тех, кто погиб там, на безымянном перевале среди вечных скал и снегов.

Тряхнув головой, отгоняя воспоминания, он снова покосился на своего учителя и неожиданно понял, что Немой, от которого даже под пыткой слова не добьёшься, тихо, шёпотом матерится. Прислушавшись, он удивлённо покрутил головой и, подобравшись поближе, тихо спросил:

– Мы чего ждём? Темнеет уже, уходить надо.

Фыркнув, как рассерженный кот, Немой мрачно покосился на него и, вздохнув, сделал знак уходить. Медленно, стараясь не хрустнуть ни одной веточкой, они выбрались обратно в редколесье и, развернувшись, двинулись к западу. Шагая за Немым след в след, он не мог сдерживать любопытство и, быстро оглядевшись, тихо спросил:

– Немой, на тебя только это место так действует, или ты вообще границы не любишь?

Не останавливаясь и даже не сбившись с шага, Немой резко отмахнулся и, передвинув свой неизменный, затёртый чуть не до дыр АК под руку, зашагал ещё быстрее. Так и не сообщив, что это было, он прибавил шаг, решив не лезть к напарнику с расспросами. Всё равно не расскажет. Хотя, после возвращения в гнездо, их же можно было бы задать и Санте.

Ветеран зоны, прожившая в ней почти всю свою сознательную жизнь, она знала столько, что иному на три жизни хватит. Оставалось только дожидаться, когда они снова свернут обратно к гнезду. Придя к такому решению, он быстро огляделся и, поправив ремень автомата, прибавил шаг, догоняя ушедшего вперёд Немого.

* * *

На этот раз Пашкино пробуждение оказалось более приятным. Даже ноющая боль, которая, как ему казалось, поселилась в его животе навсегда, куда-то отступила, сменившись просто странным, тянущим ощущением. И пить так сильно не хотелось, хотя губы и язык всё ещё были сухими.

Помня о пошлом знакомстве с ярким светом, Пашка медленно приоткрыл глаза и, удивившись, что может видеть, обрадованно повернул голову направо. Туда, где кто-то чем-то

тихо шуршал. Шорох – это человек, а человек – это нужная информация. Логика железная, а значит, и тянуть с исполнением нечего, решил он, приводя решение в действие.

В итоге, его необдуманная поспешность привела к резкому спазму в онемевших от долгого бездействия мышцах. В палате ясно раздался хруст Пашкиных позвонков, и он едва сдержал рвущийся наружу мат. Это было больно, а сдержался он только потому, что рядом с его кроватью сидела та самая рыженькая сестричка, внимательно изучая какие-то бумаги.

Услышав его тихое шипение, она подняла глаза от бумаг и, встретившись с ним взглядом, улыбнулась, сверкнув милыми ямочками на щеках.

– Как самочувствие? – спросила она, быстро поднимаясь и просматривая показания приборов.

– Бывало и лучше, – сварливо отозвался Пашка, медленно возвращая голову на место. – Может, хоть вы мне расскажете, что со мной и каким чертом меня сюда занесло.

– Не нужно ругаться, – ответила сестричка, чуть шевельнув ровными, в ниточку бровями.

– Да я не ругаюсь, я пытаюсь, как можно более полно передать свои чувства, – усмехнулся в ответ Пашка, пытаясь загладить неловкость. – Так где я нахожусь?

– В госпитале, – коротко ответила рыжая.

– Я понимаю, что не на кладбище, – качнул головой Пашка. – В каком госпитале? Кому принадлежащем? В какой стране, наконец? Неужели так сложно ответить на такие простые вопросы? Я же спрашиваю не из пустого любопытства. Я действительно ни черта не помню. Как отрезало. Ну хоть вы помогите, – произнёс он просительно.

– А зачем вам это знать? – ответила вопросом на вопрос сестричка. – Вас лечат, за вами ухаживают, чего же ещё?

– Ну, неплохо было бы узнать, кто за всю эту роскошь платит, – не удержался от сарказма Пашка. – Думаете, я не понимаю, что если бы не какой-то ваш шкурный интерес, меня давно бы сунули в общую палату к неимущим и забыли о моём существовании. А то бы и вообще зарыли в безымянной могиле, с одним только номером, как неопознанного и не востребовавшего.

– Хорошего же вы мнения о нашей медицине, – усмехнулась она в ответ.

Ответить Пашка не успел. Дверь без стука открылась, и на пороге появилась странная личность. Отлично сшитый серый костюм, дорогие кожаные туфли, накрахмаленная до хруста рубашка и абсолютно неприметная физиономия. Неожиданно для себя Пашка понял, что, даже захоти он, никогда не сможет правильно описать, как именно выглядит этот человек.

Пройдя к изножию кровати, неприметная личность задумчиво посмотрела на Пашку своими неопределённого цвета глазами и, чуть заметно усмехнувшись, заговорила:

– Вам придётся придержать своё любопытство, юноша. Даже если вы действительно не помните, где пострадали и как здесь оказались. Эти воспоминания сейчас не важны.

– А что тогда важно? – не понял Пашка.

– Вы сами, но не как личность, а как физическое тело. Хотя, должен признать, что вы, любезный, настоящий везунчик. С такими ранениями, которые были обнаружены у вас, не выживают. А вы не просто выжили, но ещё и на поправку идёте и, судя по отчётам, выберетесь из этой передраги почти без ущерба для собственного здоровья. И вот это интересует нас больше всего. Ну а всё остальное не важно.

– Может быть, это не важно для вас, любезный, а вот для меня это имеет первостепенную важность, – огрызнулся Пашка и с удовлетворением увидел, как недовольно сверкнули глаза оппонента.

– Позвольте дать вам один совет, юноша. Не стоит с нами ссориться. Чревато, знаете ли. Вас ведь как бы в общем-то и не существует вовсе. Нету вас. Просто нету. Ни бумаг, ни документов, ни даже свидетелей, что такой человек в госпиталь поступал, не существует. А нет документов, нет и человека, – ехидно усмехнулся безликий.

– Ну то, что вас только бумажки интересуют, я всегда знал. Так что не удивили. А вот о своём существовании я вам напомним, и очень серьёзно. Уж вы мне поверьте, любезный, – ответил в тон безликому Пашка, не сводя с него мрачного взгляда.

– А смысл? Чего вы этим добьётесь? Вы даже сбежать отсюда не сможете, и не потому, что ранены, а потому, что с такой физиономией, как ваша, не нужно даже в розыск подавать. Достаточно всех городских предупредить.

– А что с моей физиономией? – не понял Пашка.

– А вам ещё не сказали? – заметно удивился прищелец и, бросив на медсестру быстрый взгляд, криво усмехнулся.

– Что не сказали? – мрачно спросил Пашка, тоже покосившись на сестру.

– Значит, добрых советов мы не принимаем? – усмехнулся безликий, игнорируя его вопрос.

– А мне когда-то дали совет, никогда не слушать чужих советов, – ответил Пашка.

– Наглец, – усмехнулся мужчина, направляясь к выходу.

– Кушайте на здоровычко, – добавил ему вслед Пашка, оставляя за собой последнее слово.

– Глупо, – пожала плечами сестричка, дождавшись, когда за безликим закроется дверь.

– Может, и глупо, – не стал спорить с ней Пашка, – но никому не позволю себе в рожу плевать, – быстро добавил он, посмотрев ей в глаза.

– А при чём здесь плевать в лицо? – удивилась сестричка.

– А вы не слышали? – мрачно спросил Пашка. – Нет документов, нет и вас, – передразнил он ушедшего. – Тварь бумажная, человека для него не существует. Только бумажки.

– Но ведь без документов человека и вправду нет, – ответила она с заметной растерянностью.

– А как же личность, душа? Как с этим быть? – иронично спросил Пашка, окончательно поставив её в тупик. – Хотите, скажу, для чего личные документы придуманы?

– И зачем же? – с интересом спросила она.

– А чтобы проще было отследить любого из нас. Чтобы всегда можно проконтролировать, где, как, сколько вы заработали, и наложить на это лапу. Чтобы всегда можно было вас найти и в случае необходимости ликвидировать. Всё для системы, для государства. А мы для них просто быдло. Стадо, которое можно пасти и стричь, как им захочется, – мрачно ответил Пашка, внимательно следя за её реакцией.

– А вы не очень любите государство, – чуть усмехнулась сестричка.

– А за что его любить? – вопросом на вопрос ответил Пашка. – Всем на вас наплевать. Всем глубоко до лампочки, как вы живёте, можете ли прокормить себя и хватит ли средств заплатить за лечение, если вдруг заболел. Главное, чтобы вы вовремя платили налоги и ничего не требовали от чиновников. Вот тогда вы хороший, правильный гражданин, патриот и достойный член общества.

– За такие речи можно и в тюрьму загреметь, – проворчала она, бросая быстрый взгляд куда-то вверх и в сторону.

Проследив за её взглядом, Пашка заметил в верхнем углу палаты, над дверью, крошечный нарост, едва заметный на первый взгляд. Похоже, в этом госпитале за больными наблюдают постоянно, подумал Пашка, делая вид, что ничего не заметил.

– Думаете, они не знают, что большая часть населения любой страны думает точно так же? – иронично усмехнулся Пашка. – Знают. Но до тех пор, пока это происходит только на уровне разговоров, они не боятся. Пусть болтают, главное, чтоб платили.

– А вы бунтарь, – покачала головой сестричка, принимаясь умывать его.

– У вас зеркальце есть? – спросил Пашка, вспомнив слова безликого.

– Зачем вам? – тихо спросила медсестра, и Пашка почувствовал, как заметно дрогнула её рука.

– Недаром же этот хмырь про мою рожу упомянул, – проворчал Пашка, следя за ней глазами.

– Не стоит, – попыталась отказаться она.

– Да бросьте вы. Раз уж зашёл разговор, я всё равно не успокоюсь. Найду, как увидеть. Так какая разница, сейчас или потом? – ответил Пашка, мягко настаивая на своём.

– Сейчас. Закончу, – вздохнула она, сдаваясь.

Быстро закончив с умыванием, она достала из кармана халата маленькую пудреницу и, открыв, медленно поднесла её к Пашкиным глазам. Бросив взгляд в крошечное зеркальце, Пашка вздрогнул и словно прикипел к нему взглядом. Это было страшно.

От левого виска к правой скуле, словно по линейке, вся нижняя часть лица была обожжена. Рана уже начала подживать, и струпья, отваливаясь, обнажали рубцы, напоздавшие один на другой. Глаза, карие, в обрамлении некогда пушистых как у девушки ресниц, были большими, миндалевидными, прямой нос зацепило огнём, но не сильно. А вот рот, подбородок, щёки, всё было сожжено едва ли не до кости.

Рубцы превратили его губы в узкую щель, рассекавшую сплошную вязь шрамов словно ножом. Сожжённая кожа обтянула скулы, делая глаза ещё больше. Целыми остались даже брови, что больше всего удивило Пашку. Тяжело вздохнув, он прикрыл глаза и тихо попросил:

– Уберите. – И помолчав, добавил, не желая обижать медсестру: – Спасибо вам. Надеюсь, вам не очень противно?

– Не говорите глупостей, – быстро возразила она. – Здесь нет ничего противного. Это просто рана. И всё. Просто рана. И потом, сейчас пластическая хирургия может чудеса творить.

– Не для меня это, – вздохнул Пашка. – Да и денег таких у меня нет. Теперь придётся вечно рожу от людей прятать. Господи! Ну за что мне всё это?! – выдохнул он, чувствуя пустоту в груди и отчаяние, целиком захватившее его сознание.

– Не нужно так расстраиваться, – попыталась успокоить его медсестра, но Пашка уже не слушал её.

Закрыв глаза, он судорожно пытался придумать, как жить дальше. Живое воображение рисовало ему всё более мрачные картины, ударными темпами вгоняя его в депрессию. Хуже всего было то, что он никак не мог вспомнить, где жил и чем занимался. Отсутствие отправной точки заставляло его судорожно стучаться в запертые двери собственной памяти, чтобы вспомнить хоть что-то.

Сообразив, что говорить ему сейчас что-то просто бесполезно, медсестра убрала пудреницу в карман и, тяжело вздохнув, уселась на стул у кровати, вернувшись к просмотру отложенных документов. Слушая тихий шорох переворачиваемых листов, Пашка, так и не придя к какому-то решению, устало вздохнул и, открыв глаза, покосился на документы.

– Это всё про меня? – тихо спросил он.

– Да. Медицинские заключения, назначения по лечению, вам это не интересно, – так же тихо ответила она.

Ответить Пашка не успел. Дверь в палату распахнулась, и на пороге появился врач, которого Пашка видел в прошлый раз, когда очнулся. За спиной врача маячили двое крепких ребят в халатах, очевидно санитары. Решительно войдя в палату, врач быстро осмотрелся и, заметив, что Пашка находится в сознании и внимательно за ним наблюдает, скроил недовольную мину.

– Вам, больной, лучше поспать, – проворчал он, вынимая из кюветы шприц и пристраивая его к катетеру.

– Не надо, я только проснулся, – ответил Пашка, мечтая только о том, чтобы его оставили в покое.

– Ну, поощряли, и достаточно. Вам нужно больше отдыхать, – не терпящим возражения тоном ответил врач.

– А я и не работал, так что устать не успел, – вяло огрызнулся Пашка.

– Ну вот что, молодой человек. Спорить с вами я не собираюсь. Будете делать то, что я велю.

– Или что? – чувствуя, что начинает злиться, мрачно спросил Пашка.

– Или я найду способ вас заставить, – пригрозил врач.

– Не грозись, док, не испугаешь. Встану на ноги, и ты и твои шакалы кровью умоетесь, – тихо пообещал Пашка.

От ненависти, прозвучавшей в его голосе, врач невольно вздрогнул и медленно попятился от кровати, но, быстро взяв себя в руки, шагнул обратно. Ловко воткнув иглу шприца в катетер, он нажал на поршень, вгоняя препарат в вену, и, убирая шприц, ответил:

– И не таких смелых видали. Погрозись мне ещё, палёная рожь, – с неожиданной злостью ответил врач.

– А вот за рожу я с тобой то же самое сделаю, – пообещал Пашка, чувствуя, как начинают тяжелесть веки.

– Ты не очень-то хорохорься, сопляк. И покруче здесь в ногах валялись, умоляя от укольчика избавить, – ответил врач, полыхнув в ответ взглядом.

– Поживём, увидим, – прошептал в ответ Пашка, отключаясь.

* * *

Вот уже много лет подряд Жестков повторял про себя одну и ту же фразу. Власть – это всегда одиночество. Рядом с тобой будут те, кто захочет что-то получить. И те, кто хочет погреться в лучах чужого могущества.

Но очень мало тех, кто по-настоящему любит тебя, тех, кто рядом с тобой просто так – ни за что. С каждым годом бескорыстных становится всё меньше, и к этому было сложно привыкнуть.

Зато стремительно множатся и размножаются другие: алчные, жаждущие подачки, куса со стола. Предатели всех мастей, властолюбцы, а ещё – разнообразные прихлебатели, льстецы, карьеристы, фанатики, смысл жизни которых в бездумных, восторженных исполнениях приказов. Пусть даже приказов глупых, ненужных.

Постоянно окружённый собственной гвардией, Алексей Олегович, разменявший уже девятый десяток, взирал на мельтешение царей– дворцов отстраненно, даже с некоторой апатией. Как взирает сытый лев на суету муравейника, спешащего ухватить свои крошки от царской трапезы.

Жестков осознавал, что власть развращает людей, а абсолютная власть развращает людей абсолютно, но всё-таки надеялся, что всё это время оставался самим собой. Давно уже во дворце не было места чужим приспешникам. Была сформирована новая команда, изгнаны чужие кадры, распределены финансовые потоки, доступ к монополиям и административному ресурсу.

Корабль, под гордым названием Российская империя, набрал уверенный ход и теперь смело шёл в будущее, изрядно отягощённый трюмами, полными валютного золота. Можно было уходить на покой, но толкового, по-настоящему лояльного и управляемого преемника пока найти не удавалось.

Как не удавалось пока решить и ещё одну проблему, и звалась она Зоной Совместного Влияния. Уже несколько раз и украинские власти, и власти конфедерации предпринимали попытки отрезать от ничьей земли изрядные куски. Особенно в северной её части. Заодно уничтожив несколько сотен её жителей.

Но далеко не всегда эта экспансия оканчивалась победой. Жители зоны умели не только выживать в диких условиях радиации и кислотных дождей. Они ещё умели и воевать. Причём воевать так, что от незваных гостей частенько только пух да перья летели.

Брошенные на произвол судьбы, обозлённые на весь белый свет, они сбивались в крепкие, боеспособные отряды, частенько дававшие регулярным войскам всех трёх стран прикурить. Уже не раз военные чиновники и аналитики вынуждены были признавать, что, получи жители зоны в руки тяжёлое вооружение, и исход такого столкновения может оказаться очень даже непредсказуемым.

Единственное, чем могли победить их войска, это химическое оружие и тяжёлое вооружение. Как это было с северным поселением. Несколько вертолётов прошли над тщательно выстроенным посёлком, и несколько сотен человек, животные и даже трава превратились в трупы и тлен.

Всё поселение вымерло в один день. Следом за вертолётам с ОВ появились вертолётчики с людьми, одетыми в спецкостюмы, и поселение запылало. Северное поселение прекратило своё существование. Но словно в ответ на это, поселенцы каким-то образом сумели разжиться гранатомётами типа РПГ, «Муха», «Стрела», и у пилотов сразу всех пограничных государств настали тяжёлые дни.

Вертолётчики сбивали независимо от их национальной принадлежности. Уже через три недели, потеряв без малого тридцать машин, все пограничные страны дружно ввели запрет на полёты над территорией зоны. Даже ООНовские машины не избежали горькой участи. Жители зоны не делали различий, уничтожая всё, что может нести на себе баллоны с ОВ.

По слухам, только банда под странным названием «Вампиры», базировавшаяся где-то на территории Украины, могла безнаказанно пересекать границу зоны, ввозя туда контрабандные товары. По личному приказу Жесткова, Контора, выходцем которой он был, принялась тщательно изучать всё, что хоть как-то было связано с этой группой.

Огромная империя оказалась перед дилеммой. С одной стороны, зона была самой настоящей буферной зоной, пересечь которую было не просто сложно, а очень сложно. Кроме того, туда всегда можно было быстро и без шума слить пару сотен недовольных властью, бросив их на произвол судьбы.

С другой стороны, охрана нефте- и газопроводов, проходящих по самому краю зоны, требовала всё больших затрат. Повышенная радиация выводила из строя людей не хуже стрелкового оружия. Приходилось срочно принимать меры для защиты военнослужащих и последующей их реабилитации. Но это была не самая большая проблема.

Хуже всего было то, что на южной окраине зоны, куда так старательно пытались выдавить местное население, всё ещё оставались очаги ядерного, химического и ещё чёрт знает какого заражения. Сейчас, пока жители зоны, хорошо знающие местные условия, старательно изучали их по мере возможности и делали всё, чтобы заражение не распространилось дальше, удерживая незнающих от проникновения в зону заражения, это ещё можно было терпеть. Но потом, после проведения экспансии, это станет только проблемой захвативших эту территорию стран.

Была и ещё одна проблема. Крысы. Огромные, наглые и удивительно умные твари, выбиравшиеся из зоны в большой мир и наводившие на него настоящий ужас. Организованные не хуже военных отрядов, они шли по прямой, сметая всё на своём пути или незаметно просочившись на территорию страны, моментально уничтожали урожай, умудряясь исчезнуть до того, как власти успевали отреагировать.

Это была, пожалуй, самая большая проблема. Эти мутанты, размером с небольшую собаку, были нечувствительны к обычным ядам и совершенно не боялись людей. И с каждым годом они становились всё большей бедой для всех приграничных государств.

Можно было уничтожить всех жителей зоны одним массированным ударом, подогнав к границам установки типа «Град» и «Тополь», но как избавиться от полчищ огромных крыс,

хорошо знающих вкус человеческого мяса. Сейчас, пока в зоне есть люди, крысы выбирают из зоны только весной, когда голод больше всего даёт о себе знать. Всё остальное время люди и крысы старательно поедают друг друга.

Но как только крысы лишатся источника пищи и места постоянного обитания, жуткие полчища хлынут из зоны сразу во все стороны. И удержать их ни у кого не будет никаких шансов. Вообще по большому счёту ничья земля имела больше плюсов, чем минусов, и такому гиганту, как Российская империя, не было никакого смысла претендовать на эту проклятую богом землю.

Как не было смысла рваться к некогда роскошному Чёрному морю. Теперь, после Потопа, это было море смерти. Даже стальные корпуса боевых кораблей не выдерживали той адской смеси кислот, тяжёлой радиоактивной воды и химических соединений, в которую превратилось некогда чудесное море.

Две недели плавания в этом жутком супе, и борт корабля можно было проломить пинком ноги. И это было далеко не всё. Повышенная, точнее, зашкаливающая радиация убивала экипаж корабля ещё до конца плавания. Старый добрый счётчик Гейгера начинал сходить с ума за сорок метров от кромки воды, а, соприкоснувшись с самой водой, сменял щелчки на сплошной гул.

Вспомнив все эти данные по зоне, Жестков вспомнил и то, что назначил аудиенцию директору Конторы Павлу Андреевичу Куклову, решив принять его в своём рабочем кабинете. Несмотря на два пережитых инфаркта и кучу старческих болячек, Художник оставался всё ещё одним из самых сильных аналитиков и стратегов Конторы, твёрдо державших руку на пульсе самого закрытого сообщества в империи.

Прозвище Художник прилипло к нему ещё во времена ученичества, когда молодой курсант быстро и очень похоже набрасывал в конспектах карикатуры на инструкторов. Датский карикатурист Херлуф Бидstrup был очень популярен в СССР в те времена. Так Паша Куклов превратился из Кукольника в Художника. Прозвище прилипло навечно.

Художник сам попросил об аудиенции, намекнув по телефону, что речь пойдёт об очень удивительном открытии, сделанном совершенно случайно и имеющем очень интересные перспективы. Назначив день и час встречи, Жестков задумчиво посмотрел на телефон и, удивлённо качнув головой, отложил раздумья до встречи. Было слишком мало исходных данных.

И вот теперь, покончив с текущими делами, Алексей Олегович, нехотя поднявшись из-за стола, медленно прошёлся по кабинету. Заложив руки за спину, он постоял у окна, рассматривая внутренний двор Ближней дачи, и, бросив быстрый взгляд на часы, чуть слышно хмыкнул. До указанного времени оставалось ещё пять минут.

Подойдя к селектору, Жестков связался со службой охраны внешнего периметра и приказал направить к нему Куклова сразу, как только он появится. Как оказалось, Художник уже приехал. Нажав другую кнопку, он вызвал секретаря и, не дожидаясь доклада, с ходу приказал:

– Куклова ко мне. Пока не освобожусь, не беспокоить, и прикажи принести чаю с мёдом.

Коротко кивнув, изображая поклон, секретарь выскользнул из кабинета, и через несколько секунд в дверях появился Художник. Опираясь на резную трость, старые раны давали о себе знать, он церемонно поклонился, но Жестков, не любивший церемоний между старыми соратниками, только махнул рукой.

– Присаживайся, старина. В нашем возрасте стоять уже сложно.

Коротко улыбнувшись в ответ, Художник тяжело опустился в резное мягкое кресло, положив на стол перед собой тонкую чёрную папку тиснёной кожи. Покосившись на папку, Жестков тяжело вздохнул и, дождавшись, когда обслуга под присмотром секретаря подаст чай и скроется за дверью, тихо спросил:

– Ну, что там у тебя опять? Хохлы окончательно решили зону захватить или это западникам неймётся?

– Дело не в них, – покачал головой Художник. – Точнее, не в политике.

– А в чём тогда? Ну, давай уже, не томи, – поторопил его заинтригованный Жестков.

– Три недели назад, при попытке пересечь нашу границу в районе зоны был сбит дельтапланерист. Точнее мотопланерист, это те, которые не только с крыльями, но ещё и с мотором летают, – быстро пояснил Художник, но реакция Жесткова на это пояснение оказалась не самой обычной.

– Ты меня за старого маразматика, что ли, держишь, Художник? По-твоему, я уже не помню, что такое дельтаплан?

– Никак нет, Алексей Олегович, я просто...

– Ладно, проехали, – махнул рукой Жестков, – давай, что там дальше.

– Парня сбили на малой высоте. Из лёгкого пулемёта достали. Очередь почти перерезала его пополам. Плюс к тому вспыхнул топливный бак, и парень здорово обгорел. Но самое интересное, что, несмотря на все ранения и ожоги, ему удалось выжить. Пограничники не стали добивать парня, решив использовать в качестве «языка». Но так как парень оказался слишком изранен, его передали в наш госпиталь, для проведения определённых исследований. Не буду вдаваться в ненужные подробности, но неожиданно парень начал поправляться. Хотя, изначально, ухода и лечения практически не было. Наши ребята из медицинского отдела им заинтересовались и положили в отдельный бокс. И вот теперь начинается самое интересное. После удаления пуль и введения антибиотиков, глюкозы и физраствора парень начал поправляться ударными темпами. Но и это оказалось ещё не всё. После проведения анализов выяснилось, что кровь парня несёт в себе столько радиации, что он давно уже должен был разложиться, а он живёт и поправляется. А по структурному составу его кости состоят не столько из кальция и костной ткани, сколько из солей тяжёлых металлов.

– Ну это всё очень интересно, но от меня-то ты чего хочешь? – удивлённо спросил Жестков, внимательно выслушав короткий доклад.

– Разрешения на организацию отдельной медицинской группы для изучения феномена мощной регенерации человеческого организма. Мы должны тщательно изучить этого парня. Слишком уж всё необычно. Только представьте себе, что можно делать, имея в руках такие технологии. Сколько жизней наших солдат можно будет спасти, – проговорил Художник с неожиданной горячностью.

– Короче говоря, тебе от меня деньги нужны, – резюмировал Жестков, с усмешкой посмотрев на старого сослуживца.

– Ну, не без этого, конечно, – смущённо пожал плечами Художник.

– А если отбросить все эти научные открытия, то в чём тут твой интерес? – неожиданно спросил Жестков.

– Болячки надоели, – тихо признался Художник. – Есть в организме этого парня что-то такое, что позволяет ему пережить очень опасные ранения почти без потерь. Если нам удастся узнать, что это такое, то вполне возможно, что и нам с вами что-то перепадёт.

– Хочешь жить вечно? – иронично усмехнулся Жестков и, помолчав, спросил: – Сколько денег-то нужно?

– Честно говоря, даже не знаю, – откровенно признался Художник.

– Ну и ладно, – махнул рукой Жестков. – Вот тебе для начала пять миллионов, а там видно будет, – сказал он, быстро чиркая что-то на листе гербовой бумаги.

Размашисто расписавшись, он пришлёпнул к листу свою личную, малую печать и, протянув бумагу директору Конторы, добавил:

– Деньги получишь лично, у казначея. А все интересные новости будешь докладывать только мне. И вот ещё что. Об этом летуне что-то известно?

– Документов при нём не было. Пришлось пробивать по базе. Интересный оказался паренёк. С секретом, – усмехнулся в ответ Художник, аккуратно убирая полученный документ в папку.

– Ну-ка расскажи, – с интересом спросил Жестков.

– Сирота, воспитывался в детском доме. Отслужил в спецназе, участвовал в боевой операции. После службы пропал из поля зрения наших служб почти на пять лет. И вот теперь появился на границе зоны. По последним данным, выезжал из империи на работу в Испанию по приглашению некоего господина, постоянно проживающего в Украине. В приглашении указана будущая должность – телохранитель.

– Вот значит как, – задумчиво протянул Жестков. – Мы ребят воспитываем, обучаем, натаскиваем, а потом со спокойной душой позволяем им разбредаться по всей земле, не заботясь о том, что такие кадры нам самим потребоваться могут. Ну а теперь скажи мне, старина, с чего это вдруг сильный, тренированный парень из империи подался. Работы тут не нашёл?

– Этот вопрос и меня самого очень интересует. По документам, у него вроде всё было. А вот, что там на самом деле, неизвестно.

– Что значит, неизвестно? Вы контора или погулять вышли?

– Не было у нас такой задачи, вот и не занимались. А самое паршивое, что его самого не спросишь. Парень после ранения память потерял. Помнит только, что Павлом зовут.

– Тёзка, значит, – задумчиво усмехнувшись, проворчал Жестков. – Ты, друг ситный, вот чем своих орлов озадачь. Пусть проверят, как и где наши ребята на гражданке после армии устраиваются. Особенно из боевых частей. А то что-то наши чинуши снова жировать начали. Им только дай волю, такое устроят... Помнишь, как в седьмом году было?

Вспомнив бойню, учинённую доведёнными до отчаяния ветеранами различных войн и локальных конфликтов, Художник невольно содрогнулся. Это была настоящая война на уничтожение. Чиновников всех мастей и рангов просто отстреливали, не обращая внимания на охрану и показательные суды.

– Проверим, – решительно пообещал он.

– И побыстрее. Лучше десяток посадить, чем сотню закопать, – приказал Жестков не терпящим возражения тоном. – И ещё, передай своим, чтобы поаккуратнее там с этим парнем. Чёрт его знает, что ему в ушибленную голову взбредёт.

– Не беспокойтесь, Алексей Олегович, всё будет в порядке, – переведя дух, ответил Художник.

Допив чай, он тяжело поднялся и, поблагодарив Жесткова, вышел из кабинета. Проводив его взглядом, Жестков опёрся подбородком о ладонь и, уставившись невидящим взглядом в окно, задумался. У старины Художника в этом деле явно был свой личный интерес. Его шутка о вечной жизни была, конечно, шуткой, но, как известно, в каждой шутке только доля шутки, а всё остальное правда.

Так и не найдя ответа на интересующий его вопрос, Жестков выпрямился и, подумав, снова вернулся к повседневным делам.

* * *

Вернувшись после долгого рейда в «гнездо», они долго отмокали в больших деревянных бочках, заменявших ребятам ванны, после чего, с аппетитом поужинав, завалились спать. Но выпастся ему не дали. Одна из «вампиров», худощавая, коротко стриженная девчонка, которую он знал только по прозвищу, неожиданно ввалилась в отведённую ему комнату и, не обращая внимания на его удивлённый взгляд, принялась невозмутимо раздеваться.

Подойдя к кровати уже обнажённой, она расстегнула молнию его спальника и, забравшись внутрь, тихо сказала:

– Думаю, нам пора познакомиться по– ближе.

– А моё мнение в этом вопросе тебя совсем не интересует? – спросил он.

– Не-а. Ты нормальный, здоровый парень, я тоже, так чего тут ещё рассуждать? – небрежно пожала плечами ночная ведьма.

– А как насчёт симпатий, я про чувства уже и не говорю.

– Хочешь сказать, что я тебе не нравлюсь? Что, фигурой не подхожу или рожей не вышла? – спросила она с неожиданной злостью.

– Я этого не говорил, – пожал он плечами. – Просто не ожидал я тебя в своём спальнике увидеть. Да, честно говоря, вообще никого не ожидал.

– А что так? – спросила она, успокаиваясь. – Или ты не стандартный?

– Нет. Я нормальный, просто устал, да и не часто у нас в гнезде вот так запросто сходятся.

– Значит, пришло время менять привычки, – решительно отозвалась она. – И вообще, у тебя девушка в постели лежит, а ты вместо дела ей зубы заговариваешь, – добавила она, одним гибким движением вскакивая на него верхом.

– Ну, сама захотела, – проворчал он, сжимая ладони на её талии.

Уже под утро, с трудом уgomонившись, они лежали в его спальнике, тесно прижавшись друг к другу и куря одну сигарету на двоих. В последнее время на фоне борьбы с курением, развернувшейся по всем странам Европы, с куревом в зоне стало намного легче.

Очень многие так называемые бизнесмены быстро сообразили, что намного безопаснее и проще перекидывать через границу такой безобидный товар, как табачные изделия, чем, рискуя здоровьем и состоянием, тащить в зону оружие и медикаменты.

Затушив выкуренную до самого фильтра сигарету в консервной банке, заменявшей им пепельницу, ночная ведьма с довольным видом потянулась и, бросив на него лукавый взгляд, сонным голосом тихо пробормотала:

– Я же говорила, всё будет здорово, а ты ломался.

– Я не ломался, я спать собирался, – усмехнулся он в ответ, устраиваясь поудобнее.

– Слушай, ну ты бы хоть ради приличия спросил, как меня зовут, – возмутилась она, пристраивая голову ему на плечо.

– А я думал, что секс ещё не повод для знакомства, – не удержался он от шпильки, за что получил вполне чувствительный щипок.

– Издеваешься надо мной, да? – спросила она, приподнимаясь.

– Нет. Просто не привык я к таким вот заходам, – честно признался он, даже не делая попыток хоть как-то защититься от её агрессии.

– А к чему ты привык? – с интересом спросила она.

– Что люди для начала присматриваются друг к другу, знакомятся, а уж потом в койку заваливаются, при наличии отсутствия антипатии.

– Чего?! – растерянно переспросила она.

– Если нравятся друг дружке, – рассмеялся он.

– Долгая история, – отмахнулась она. – Я предпочитаю вот так, просто и без затей. А самое главное, без обязательств. Ты мне ничего не должен, и я тебе ничего не должна.

– И многих ты так окучила? – спросил он, чувствуя, что этот разговор начинает действовать ему на нервы.

– А что, ты уже ревнуешь? – с интересом спросила она.

– Нет, просто хочу быть в курсе, если сюда кто-то с дубиной ворвётся.

– В курсе чего?

– За что меня бить собираются.

– Не волнуйся. Никто не ворвётся, – отмахнулась она.

– Так как тебя всё-таки зовут?

– Рона.

- Это имя или прозвище? – с вялым интересом спросил он.
- Псевдоним, – усмехнулась она в ответ.
- Ну, Рона так Рона, – вздохнул он, закрывая глаза и пытаясь уснуть.
- Эй, и это всё? – возмутилась она.
- А чего ещё? – не понял он.
- Ну хоть сам обзовись, – фыркнула она.
- Самурай, – коротко назвался он.
- Чего?! – в очередной раз протянула Рона.
- Кличка такая, Самурай.
- А почему Самурай?
- Я когда-то в спецназе служил, там и прилипло. С тех пор самураем и стал.
- Я не поняла, почему именно Самурай? Саблей, что ли, размахиваешь?
- При чём тут сабля? Ты про кодекс бусидо слышала?
- Нет, а что это такое? – с интересом спросила она.
- Это древний кодекс японских воинов. Получая статус самурая, воин изначально считался мёртвым и поэтому просто не боялся умереть. Он уже был мёртв. Нас в спецназе учили точно так же. Став бойцами спецназа, мы изначально умерли. Выполни приказ любой ценой, даже если придётся умереть.
- Ничего себе заявочки! – удивлённо ахнула Рона. – Это что же получается? Империя не просто парней служить заставляет, а ещё и на смерть их гонит? И это в мирное время?
- А чему ты удивляешься? – пожал он плечами. – Интересы государства превыше интересов стада. А людей жалеть глупо. Бабы дуры, ещё нарожают.
- Но ведь есть же наёмники. В смысле контрактники. Это их работа, им за это деньги платят. Так зачем же пацанов на смерть гнать?
- Контрактникам платить нужно. Пайковые, боевые, ну и тому подобное, а смертникам приказ отдал, оружие, боеприпасы, сухой паёк в зубы и вперёд. Дёшево и сердито.
- А семьи, матери, это не считается? – растерянno спросила Рона.
- Ты до того, как сюда попасть, где жила? На Луне, что ли? – удивлённо спросил он.
- Нет, в Челябинске.
- Такое впечатление, что ты с Луны свалилась, – усмехнулся Самурай. – Запомни, никто никогда и нигде не станет считать, сколько солдат погибло. Солдаты – это расходный материал. Собственность государства, и раздумывать, что будет после гибели солдата с его родными, никто не станет. Это никому не интересно. Письмо с соболезнованиями, единовременная выплата денежного пособия и привет горячий. Живите, как можете.
- Охренеть! – качнула коротко стриженной головой Рона.
- Только не говори мне, что ты этого не знала, – усмехнулся он.
- Понятия не имела. Знаешь, пока жила в империи, я о таких делах не задумывалась, не нужно было. А потом, когда сюда попала, уже не до этого стало, – задумчиво произнесла Рона.
- Ну и не забивай себе голову. Всё равно ничего не изменишь. Это система. А с системой бодаться, себе дороже, – отмахнулся он, делая очередную попытку уснуть.
- Эй, погоди спать, давай лучше поговорим, – решительно пресекла его попытку она.
- Совесть имей, я из рейда пришёл. Утром поговорим, – отмахнулся он, решительно поворачиваясь на бок.
- Все вы мужики одинаковые. Получил свое, и спать, – проворчала она с обидой.
- Я тебя сюда не звал. Не нравится, можешь идти к себе, – огрызнулся Самурай, которому этот разговор уже изрядно надоел.
- Ну и дурак же ты, – неожиданно фыркнула Рона, соскакивая с кровати и быстро одеваясь.

Вздыхнув, он решил не ввязываться в пустой спор с взбалмошной девчонкой и, закрыв глаза, устроился поудобнее, продолжая прислушиваться к тому, как она шуршит одеждой. Но вопреки его ожиданиям, она не выскочила из комнаты, а вместо этого, ещё немного пошуршав вещами, снова нырнула в спальник.

Уютно прижавшись к его спине, она уткнулась носом ему между лопаток и, обняв его рукой за пояс, тихо прошептала:

– Хотя ты и злюка, но с тобой теплее. – И притихла, мирно засопев.

Чувствуя спиной её живое тепло, уснул и он. Разбудил их гул голосов и быстрые шаги по коридору барака. Гнездо было устроено на территории бывшего рабочего посёлка. Первое время ему даже казалось, что раньше это была просто зона, где содержали заключённых.

Длинные, чудом сохранившиеся бараки, полуразрушенные производственные цеха, заваленная всяким хламом площадь, живо напоминавшая плац, и куча бетонных столбов, обвешанных обрывками колючей проволоки.

Пронёсшаяся здесь волна смела все другие постройки, но бараки и цеха каким-то образом устояли. И теперь «Вампиры», пользуясь тем, что в цехах нашлись штабеля пиленой доски, усиленно перестраивали найденные помещения под жильё.

Быстро сколотив перегородки, они разделили бараки на пару десятков комнатушек, пытаясь выделить каждому «вампиру», находящемуся в гнезде, отдельное помещение. Санта отлично понимала, что иметь место, где человек может просто побыть наедине с самим собой, является необходимостью.

А кроме того, жизнь, даже здесь, в зоне, продолжалась. Три десятка молодых, здоровых парней и девчонок просто физически не могли сутками напролёт тереться друг об дружку, при этом не вызывая искр. Рано или поздно в таких случаях ситуация накалялась до взрывоопасной.

Разом проснувшись, Самурай вскинул голову и, прислушавшись к разговорам, быстро выскользнул из спальника. Тихо, чтобы не разбудить случайную подружку, он оделся и, выйдя в коридор, осмотрелся. В дальнем конце коридора, где располагался штаб «гнезда», слышался бодрый голос Санты.

Судя по тому, что говорила она одна, её собеседником был Немой. Поддёрнув штаны, он решительно зашагал в сторону говоривших. Если Санта собиралась чем-то озадачить Немого, то ему стоило об этом знать. Вот уже четвёртый год подряд они были напарниками.

Это получилось случайно. В очередной раз перемахнув через границу зоны, он немного не дотянул до гнезда. Попад в линзу, зону резкого похолодания, он едва не взлетел в стратосферу и с трудом успел соскользнуть с восходящего потока, изрядно поморозив руки.

Пришлось в срочном порядке садиться на ближайшую прогалину, чтобы окончательно не загубить аппарат. Но на этом его приключения не закончились. Только успев отстегнуть ремень и выбраться из седла, он услышал в кустах треск, и, недолго думая, рухнул в траву, выхватывая из набедренной кобуры трофейную «беретту».

Перевозя на мотоплане груз, ему приходилось учитывать каждый грамм веса. В итоге, пришлось сделать выбор в пользу пистолета, отказавшись от ставшего таким привычным автомата. Пришлось даже в срочном порядке добывать запасные обоймы и боеприпасы к «беретте», что пробило изрядную брешь в его и так невеликом бюджете.

Все финансовые и банковские учреждения, оказавшиеся под ударом волны, за небольшим исключением, давно уже вскрыты и разграблены. С каждым годом добывать средства для закупок боеприпасов и медикаментов становилось всё сложнее. По зоне упорно ползали слухи, что в одном из банков Киева хранился золотой запас тогда ещё единой Украины, но «Вампиры» не верили в них.

Даже если у той страны и был какой-то запас, хранящийся в драгметаллах, то наверняка он содержался не в Киеве и совсем уж не в банке. Бытовали рассказы о так называемых алмаз-

ных хранилищах, но и в эту сказку мало кто верил. Имей хоть кто-то информацию о наличии таких сокровищ на территории зоны, в разрушенный город уже ломались бы сотни, если не тысячи авантюристов и наёмников, уничтожая друг друга и всё, что могло попасться им на глаза.

Плюнув на мораль и порядочность, население зоны совершало регулярные рейды по городам, в поисках всего, что можно было бы продать или обменять на нужные товары. Каждый рассказ о таком походе заканчивался проклятиями в адрес банковской системы безналичных расчётов. Частенько случалось так, что затраченные для проникновения в хранилище пот и кровь не окупались.

Вместо денег там находили огромные кучи так называемых ценных бумаг, которые даже на растопку не годились. Прошедшая по городу волна затопила буквально всё, а, пролежав в сырости столько лет, эти бумаги просто сгнили. Единственным источником дохода стали частные ячейки банков.

Раньше, пока в хранилищах можно было найти серьёзные деньги, на них почти не обращали внимания, но теперь, когда над зоной возникла серьёзная угроза финансового голода, вспомнили и о них. Хотя затраты на вскрытие ячеек далеко не всегда покрывались добычей.

Быстро откатившись под прикрытие ближайших кустов, Самурай взял на прицел место, где услышал треск, и приготовился к бою. К его мотоплану был приторочен ящик с антибиотиками и автоматными патронами. За такую добычу любая банда глотку перегрызёт. Оставалось только надеяться, что стрельбу услышат в гнезде и придут на помощь, но сколько для этого потребуется времени и сколько в кустах противников, было задачей со многими неизвестными.

Затихнув, он тщательно выцеливал противника, пытаясь понять, сколько их и где находятся. На краю поляны, метрах в сорока от мотоплана, качнулись ветки орешника, а справа, среди кучи бетонных обломков раздался стук осыпающегося щебня. Провоцируя противника на действие, он чуть приподнялся, рывком перемещаясь ближе к обломанному сосновому стволу. В ту же секунду ударил выстрел, и пуля просвистела в нескольких сантиметрах от его головы.

Успев нырнуть за расщепленный ствол, он выстрелил в сторону облачка пороховых газов, чётко указавших местоположение стрелка. В ответ по изуродованному стволу хлестнули сразу три автоматные очереди. Рухнув на торчащие из земли корни, он вжался в дёрн, прикрывая пистолетом голову.

Нападавшие стреляли так, словно имели доступ к арсеналам империи. Длинные, бестолковые очереди заставляли его вжиматься в землю, одновременно с этим проигрывая варианты развития событий. Вполне возможно, что, держа его на земле, противники таким образом давали возможность своим поделщикам подобраться к мотоплану и лишить его привезённого товара.

Воспользовавшись моментом, когда два из трёх автомата смолкли, он рывком поднялся и, выглянув из-за корней, выпустил три пули подряд в мелькнувшую у кромки прогалины фигуру. Ответом ему послужил знакомый звук попадания пули в живое тело, и громкий вопль боли, огласивший прогалину.

«Беретта» – потрясающий пистолет. Многие считают его недостаточно мощным, но Самураю эта марка понравилась за точность боя и почти полное отсутствие отдачи. Экономя патроны, он медленно переполз левее и, добравшись до железобетонной балки странного вида, осторожно выглянул в просвет между перекрученной ржавой арматурой каркаса.

Один из нападавших, меняя рожок в автомате, перекатился на бок, выдав своё присутствие. В наступающих сумерках рассмотреть что-то было сложно, но движение можно было заметить. Положив ствол пистолета на арматуру, Самурай тщательно прицелился и, задержав дыхание, плавно потянул спуск.

Короткое рывканье «беретты» слилось с грохотом АКмов, и один автомат захлебнулся. Но и его самого успели засечь. По балке звучно защёлкали пули, медленно нащупывая его амбразуру. Благо что стрелки были самоучками и не знали элементарных правил стрельбы из автоматического оружия. Или, что тоже вполне может быть, просто боялись неизвестного пилота. Потому и старались удержать его на месте длинными, в полрощка очередями на месте.

Понимая, что в подобной ситуации ему и простого рикошета окажется более чем достаточно, Самурай снова принялся медленно менять позицию, стараясь не выпускать из поля зрения свой аппарат. Нападавшие продолжали старательно обстреливать балку, пытаясь добраться до него.

Не желая отвлекать их от этого увлекательного занятия, он осторожно переместился левее, под прикрытием какого-то бака и, высмотрев ещё одного стрелка, хищно усмехнулся. Судя по активно работающим стволам, нападавших было только четверо. Трое держали его прижатым к земле, а четвёртый, тот, которого Самурай подстрелил первым, судя по замыслу, должен был подобраться к мотоплану и быстренько освободить его от груза.

Но Самурай, категорически не согласный с такой постановкой вопроса, внёс свои коррективы, подстрелив мародера и одного из стрелков. Теперь их осталось двое против одного. Но тут, словно специально, в басовитое рывканье автоматов вплелось шепелявое стаккато ещё одного ствола. Что это был за автомат, Самурай так и не понял, и в данный момент его волновало совсем не это.

Появление ещё одного стрелка сильно усложнило ему задачу. А самое главное, что теперь очень ясно вставал вполне законный вопрос. Сколько их ещё может объявиться. Понимая, что положение складывается, мягко говоря, паршивое, Самурай сместился ещё дальше и, приподнявшись, принялся всматриваться в быстро наступающую темноту.

Эта дуэль могла затянуться очень надолго, но судьба внесла в прозу жизни свои коррективы. Неожиданно из перелеска раздалась три короткие, на три патрона, очереди, и нападавшие затихли. Удивлённо посмотрев в сторону перелеска, Самурай легко перемахнул через завал, за которым прятался, и ползком метнулся к ближайшему стрелку.

Подхватив автомат, он быстро выдернул рожок и, разглядев количество оставшихся патронов, мрачно сплюнул. Быстро перевернув труп, он принялся рыться в подсумке, надеясь, что это был не последний снаряженный магазин. Но закончить это увлекательное занятие Самурай не успел.

Рядом с ним, словно из ниоткуда, возник силуэт человека с автоматом в руках. Самурай успел только дёрнуться, переводя ствол трофейного автомата на пришельца, когда сообразил, что больше ничего сделать не успевает. Автомат неизвестного твёрдо смотрел ему прямо в лоб.

Медленно опустив оружие, Самурай вопросительно посмотрел на молча стоящего человека и, выпустив из рук автомат, медленно сел. Сделав шаг назад, человек жестом велел ему подняться, пристально наблюдая за пойманным. Подчиняясь жесту, Самурай поднялся на ноги, стараясь держать руки на виду у пришельца.

Не удержавшись, Самурай тихо спросил:

– Вы с ними или сам по себе?

Вместо ответа мужчина молча показал ему один палец, при этом автомат, который он удерживал одной рукой, не сдвинулся ни на волос. Удовлетворённо кивнув, Самурай понимающе улыбнулся и, медленно отступая, ответил:

– Раз так, то мне пора. Эти останутся вашим трофеем, а у меня ещё дела не окончены, – тихо произнёс он, кивая на свой мотоплан.

Задумчиво посмотрев на Самурая, мужчина неожиданно ткнул в него пальцем и коротко спросил:

– Вампир?

– Да, – радостно кивнул Самурай.

– Провожу, – добавил человек и, не дожидаясь согласия, присел над трупом, быстро обшаривая карманы.

Собрав оружие, боеприпасы и всё, что могло ему пригодиться или имело хоть какую-то ценность, неизвестный решительно подошёл к стоящему на прогалине мотоплану и вопросительно посмотрел на Самурая.

– Нам нужно в гнездо попасть, – ответил Самурай на невысказанный вопрос.

Понимая, что взлететь с крошечной прогалины ему не удастся, он принялся быстро разбирать крылья дельтаплана. Свернув полотнище, он быстро раскидал каркас и, сложив дюралевые трубки в специальный мешок, задумчиво посмотрел на сиденье с приделанным к нему мотором.

Поперёк трапеции, под ногами лежал широкий металлический ящик с контрабандой. Его сомнения разрешил неизвестный. Подобрал длинную арматуру, вырванную из непонятно чего, он просунул её в проушину и, закинув передний конец на плечо, жестом указал Самурая на другой.

Сообразив, что он собирается делать, Самурай покорно подставил плечо под арматуру и, тихо крикнув, поднял груз. Почувствовав, что груз поднят, незнакомец быстро выбрал направление и зашагал в нужную сторону ровным, размеренным шагом.

Подстроившись под него, Самурай быстро огляделся и, убедившись, что направление незнакомец выбрал правильное, немного успокоился. Успокаивало ещё и то, что пришелец шёл впереди, бесстрашно подставив ему спину. В случае возникновения непредвиденных обстоятельств он успеет всадить в него пулю.

Минут через пять Самурая начало заметно потряхивать. Сказывался переизбыток адреналина в крови. Чувствуя, как начали дрожать руки и подгибаться колени, он достал из внутреннего кармана пачку сигарет и негромко окликнул проводника:

– Старина, погоди минутку. Перекурить надо.

Резко остановившись, незнакомец ловко снял с плеча груз и, быстро обернувшись, вопросительно посмотрел на Самурая.

– Давай покурим. Успокоиться нужно, – проворчал тот, протягивая незнакомцу пачку.

Кивнув, незнакомец вытянул из пачки сигарету и, присев на корточки, ловко прикурил от маленькой зажигалки, сделанной из автоматного патрона. Повторив его движение, Самурай жадно затянулся, пряча огонёк сигареты в кулак, и, выдохнув горький дым, тихо спросил:

– Тебя как звать-то, спаситель?

– Немой, – тихо буркнул пришелец, внимательно рассматривая Самурая.

– Самурай, – коротко представился спасённый, усмехнувшись, когда брови спасителя удивлённо выгнулись.

В несколько затяжек прикончив сигарету, он прикурил от окурка следующую и, выкурив её уже более спокойно, удовлетворённо кивнул.

– Вот теперь и двигаться можно, – проворчал Самурай, прислушиваясь к собственному телу.

Молча кивнув, Немой бесшумно поднялся и, подхватив с земли арматуру, быстро зашагал вперёд, едва Самурай успел закинуть свой конец железки на плечо. Как вскоре выяснилось, до «гнезда» он недотянул всего ничего. Каких-то пять километров. Час быстрой ходьбы, и они оказались перед воротами «гнезда», охраняемыми двумя пулемётчиками.

Весть о возвращении Самурая с грузом моментально облетела всё «гнездо». Все «вампиры», свободные от полётов, высыпали во двор, с интересом разглядывая вернувшегося в сопровождении неизвестного пилота. Только Санта, едва разглядев пришельца, стремительно шагнула к нему и, сжав в могучих объятиях, радостно выдохнула:

– Немой, родной! Жив, балбесина.

Крякнув от её ласки, Немой смущённо улыбнулся и, скинув с плеча автомат, ткнул пальцем в стоящего рядом Самурая.

– Вы разве знакомы? – удивлённо спросила Сан у растерянно топтавшегося рядом Самурая.

– Сегодня познакомились. Случайно, – пояснил он, не зная, как правильно объяснить ей свою вынужденную посадку.

Но Сан была слишком опытна, чтобы не обратить внимания на его растерянность. Подойдя поближе, она заглянула ему в глаза и тихо спросила:

– Что случилось?

– Сам толком не понял, – нехотя ответил Самурай. – Сначала попал в резкий восходящий поток, а потом чуть не замёрз, пока соскальзывал.

– Линза. Здесь это бывает. Хорошо, что успел уйти в сторону. Замёрз бы насмерть, – быстро пояснила Сан.

– Может, и так, но после посадки меня чуть не пристрелили насмерть. Хорошо, Немой вовремя появился, – мрачно признался Самурай.

– Кто это был? – удивлённо спросила Сан.

Её вопрос был не случаен. Любая банда в зоне знала, что «Вампиры» были единственным связующим звеном между зоной и внешним миром. Любой желающий за плату мог купить услуги летающей гвардии, чтобы перевезти через границу товары или вывезти человека. На «Вампиров» не нападали, ведь после этого напавшая банда лишалась возможности приобрести их услуги.

– Не знаю, – покачал головой Самурай. – Не успел рассмотреть.

– И сколько их было? – не отставала от него Сан.

– Пятеро.

– Шестеро, – неожиданно поправил его Немой.

– Ты тоже их не знаешь? – стремительно развернулась к нему Сан.

Немой отрицательно покачал головой. Мрачно насупившись, Санта покосилась на стоящих рядом ребят и, махнув рукой, приказала:

– Ящик на склад. Иди, отдыхай, с нападением завтра разбираться будем, – добавила она, заметив, что Самурай едва не спит на ходу.

– А чего там разбираться? – спросил он, нещадно зевая. – Напали, сдохли. Чего ещё выяснять?

– Так, да не так, – покачала головой Санта. – Что-то уж больно часто на нас начали нападать. Кому-то мы сильно стали мешать.

– Ну, это давно уже не новость, – махнул рукой Самурай. – Мы у всех правителей, как бельмо на глазу.

– Почему это? – неожиданно спросила одна из молодых «вампиров».

– Для них было бы гораздо проще, если бы все, кто живёт в зоне, тихо вымерли и больше не требовали к себе внимания. Похоже, их интересует только земля, – нехотя ответила Сан.

– Может, это и есть ответ на твой вопрос? – задумчиво ответил Самурай.

– Ты, Самурай, парень толковый, но многого не знаешь, – покачала головой Санта. – Для того чтобы утверждать такое, нужно иметь более веские доказательства, чем наши с тобой измышления.

– А зачем тебе доказательства? – не понял Самурай. – В суд ты с ними не пойдёшь, а если и пойдёшь, всё равно ничего не докажешь. А то, что мы здесь всем мешаем, и так понятно. Вспомни, что с северным посёлком сделали. Думаю, ещё год, от силы два, и нас просто уничтожат, чтобы захватить эту землю и не возиться с населением.

Внимательно слушавший их Немой странно посмотрел на Санту и задумчиво кивнул головой. Увидев его движение, она удивлённо спросила:

– Ты с ним согласен?

Немой снова кивнул.

– И какой же у нас выход? – нехотя спросила Санта.

– Нужно вывозить отсюда людей и уходить самим, – решительно ответил Самурай. – Дратся с правительствами сразу трёх стран мы не можем. Нам и с одной-то не справиться.

– И куда ты собираешься уходить? – мрачно спросила Сан.

– А хрен его знает, – пожал плечами Самурай. – У меня ни там, ни здесь ни кола ни двора. Импотент без прописки, – рассмеялся он горьким смехом.

– Это ты-то импотент? – усмехнулась в ответ Санта. – То-то после близкого знакомства с этим импотентом девчонки сутки варёные ходят, – сказала она, повернувшись к Немому и тыча пальцем в смущённо потупившегося Самурая.

– Да ладно тебе, Сан, – проворчал он, пытаясь соскочить со скользкой темы. – Я же пошутил, чтобы обстановку разрядить.

– Получилось, – одобительно кивнула Санта и, махнув рукой, повела их в барак.

Она давно уже пыталась сделать из него не пилота, а разведчика. Ребят, умеющих быстро и бесшумно перемахивать границу, в гнезде всегда хватало, а людей, умеющих ловко ходить по лесу и стрелять так, чтобы потом не бояться за собственную спину, не хватало. Поэтому, едва прознав, где он служил, Санта принялась уговаривать его заняться разведкой.

Это был предмет их постоянных споров. Самурай хотел летать, а она настаивала на том, что пилотов достаточно, а разведчиков вообще нет. В конце концов, он принялся ссылаться на то, что толком не умеет ходить по лесу. Но теперь, когда в «гнезде» объявился Немой, она решила во что бы то ни стало уговорить его обучить Самурая премудростям разведки.

Но Немой был одиночкой. С тех пор как пропал его приёмный отец, он бродил по зоне в одиночку, заходя в поселения только затем, чтобы помыться, передохнуть и узнать новости. Всё остальное время он занимался тем, что рыскал по зоне в поисках наличных денег и ценностей, на которые поселенцы могли закупить медикаменты и оружие.

После ужина и бани Санта зазвала Немого к себе и каким-то образом сумела уговорить его взять Самурая себе в ученики. В том, что сам Самурай не откажется поучиться у опытного разведчика, она была уверена и не прогадала. Увидев однажды Немого в деле, он с интересом принял его приглашение и уже через день ушёл с ним в рейд.

С тех пор только он имел полное право называться напарником знаменитого на всю зону Немого. Несколько раз вытащив друг друга из разных передраг, они по-настоящему подружились, даже несмотря на разницу в возрасте. И вот теперь Санта старательно что-то объясняла его напарнику.

Очевидно, ей снова потребовалось что-то необычное, раз она так тщательно даёт пояснения там, где можно было обойтись тремя фразами. Выйдя к комнате Санты, рядом с которой располагался и её кабинет, Самурай остановился и, сделав вид, что ничего не знает, подошёл к говорившим.

Заметив его, Санта несколько смутилась, но потом, взяв себя в руки, продолжила пояснения. Не слышавший начала разговора Самурай, поняв, о чём она говорит, вздрогнул от удивления. Речь шла о каком-то сейфе, в котором должны были находиться алмазы.

* * *

Очередное пробуждение Пашки было не таким болезненным, как в прошлые разы, и обошлось без чьего-либо присутствия. Он просто проснулся в своей палате под ставшие уже привычными писк и шорох приборов. Открыв глаза, Пашка обвёл взглядом палату и, для пробы пошевелившись, решил встать на ноги.

Как ни странно, но боль, преследовавшая его всё последнее время, отступила, сменившись просто неприятными, тянущими ощущениями в области живота. Откинув одеяло, Пашка бросил быстрый взгляд на свой торс и невольно поморщился.

Грудь и правое плечо здорово обгорели, а живот, от левого подреберья до правого бедра, пересекала пунктирная линия пулевых ранений. Именно они и стягивали мышцы брюшного пресса, заставляя их отзываться на каждое движение тупой, ноющей болью.

Сделав глубокий вдох, он медленно спустил ноги с кровати и, упёршись в её край руками, начал медленно выпрямляться. Как и следовало ожидать, отвыкшие от нагрузок мышцы едва удержали на ногах тело, ставшее вдруг непомерно тяжёлым. Не ухватись он руками за спинку кровати, неминуемо загремел бы на пол.

Почти обвиснув на судорожно напряжённых руках, Пашка усилием воли выпрямил ноги, пытаясь во что бы то ни стало устоять, а не увисеть. Больше всего его удивляло то, что руки, в отличие от ног, работали. Конечно, не так, как раньше, но работали. Тогда как ноги просто объявили забастовку, напроць отказываясь держать вес тела.

Почувствовав, как кровь веселее побежала по жилам, Пашка приободрился и, осторожно отпустив спинку кровати, выпрямился. Его заметно покачивало, ноги дрожали, но он стоял. Это была маленькая, крошечная, но победа. Он сумел победить свою слабость. И это ощущение наполнило его душу таким ликованием, словно он сорвал банк в казино.

Но порадоваться как следует ему не дали. Тихо щёлкнул замок, и в палату стремительно вошли сразу трое. Врач, медсестра и тот самый безликий, что пытался дать Пашке совет. С ходу, не обращая внимания на его возражения и слабое сопротивление, они дружно попытались уложить его обратно в кровать, но не тут-то было.

Уцепившись рукой за спинку кровати, он с силой отпихнул врача, аккуратно отодвинул локтем медсестру и сжал пальцы на бицепсе незаметного. Пару месяцев назад таким приёмом он легко мог разmozжить ему мышцы, а теперь только заставил неприметного скривиться от боли.

Почему-то он был уверен, что может заставить его взвыть от боли, хотя и не помнил, чтобы с кем-то проделывал это. Отброшенный в сторону врач выхватил из кюветы шприц и устремился к Пашке, но его мечтам не суждено было сбыться. Недолго думая, Пашка толкнул неприметного на врача, одновременно с этим блокируя руку со шприцем.

В итоге, не ожидавшие от умирающего такой прыти мужчины, запутавшись в собственных ногах, дружно рухнули на пол, заодно своротив стойку с каким-то оборудованием. На шум в палату ворвались двое санитаров и бросились вязать Пашку. Понимая, что, едва держась на ногах, ему этот бой не выиграть, Пашка тем не менее встретил их так, как давно уже привык встречать врагов. Боевыми приёмами, обучают которым только избранных, одного из сотен.

Он не помнил, как и что нужно делать. Тело решало это самостоятельно, и поэтому напряжённые пальцы его правой руки стремительно метнулись к лицу вбежавшего первым санитаром. Пашка почувствовал, что скорости и силы движений ему явно не хватает, но сдаваться без боя не хотел. Не ожидавший такой прыти от лежачего израненного пациента санитар буквально сам навалился глазами на его пальцы.

Издав дикий вопль, парень рухнул на пол, прижав ладони к лицу, катаясь по полу и судорожно суча ногами. Его падение помешало второму санитару с ходу наброситься на Пашку. Споткнувшись о своего напарника, санитар не удержался на ногах и полетел к едва держащемуся на ногах пациенту головой вперёд.

Это падение спасло ему зрение, но не помогло избежать близкого знакомства с кроватью. Падая, он со всего размаху треснулся подбородком о спинку кровати. Как и следовало ожидать, в этом поединке победителем вышла кровать, отправив неудачливого противника в нокаут.

Стоя у кровати, Пашка с удивлением рассматривал устроенное им побоище, чувствуя себя почти счастливым. Он сумел. Смог. Раненый, обожжённый, едва стоящий на ногах, он смог сделать то, на что у многих других просто духу бы не хватило.

Врач и безликий, оглушённые упавшим на них оборудованием, ворочались на полу, делая слабые попытки подняться. Санитар, которого Пашка одним движением превратил в инвалида, закатился в угол и теперь выл там на одной долгой ноте. Второй санитар валялся в глубоком нокауте со сломанной челюстью.

На ногах остались только медсестра, имени которой Пашка так и не успел узнать, и он сам. Пашка. Удивлённо посмотрев на свои испачканные кровью пальцы, он медленно опустился на кровать и, оглянувшись на медсестру, тихо сказал:

– Говорил же им, не злите меня.

– Ты в своём уме, парень? – растерянно спросила она, переводя изумлённый взгляд со слабо шевелящейся кучи на сидящего Пашку.

– Не очень, – откровенно признался он, судорожно пытаясь вспомнить, где и когда успел научиться таким фокусам.

– Ты хоть понимаешь, что теперь с тобой будет?! – продолжала спрашивать она, заметно повышая голос.

– А ничего не будет, – раздалось в ответ, и в палату, гремя сапогами и оружием, ворвались четверо бойцов в камуфляже и масках.

Следом за ними на пороге показался весьма пожилой мужчина, опиравшийся на изысканную резную трость. Обведя заинтересованным взглядом учинённое Пашкой побоище, он медленно прошёл в палату и, встав над сладкой парочкой, безликим и врачом, презрительно усмехнулся.

– Я всегда знал, что вы дурак, ротмистр. Но не думал, что до такой степени. Вас же русским языком предупредили, аккуратно. Парень не простой. А вы? Ну а от вас, доктор, я вообще такой глупости не ожидал. Объясните, как вы собираетесь получить нужную нам информацию, если объект не идёт на контакт? А после того, что вы тут устроили, он не то что на контакт, он с вами на одном поле гадить не сядет.

– И не таких обламывали, – прохрипел врач, медленно поднимаясь на ноги и болезненно охая.

– Ну, пока что я вижу, как он вас обломал, – усмехнулся в ответ старик. – Значит, так. С этого момента вы оба отстраняетесь от контакта с объектом. Все необходимые данные у вас есть, вот и развлекайтесь. А им теперь другие займутся.

– А ничего, что я вроде как тут и даже в сознании, – сварливо спросил Пашка, бросив быстрый взгляд на медсестру.

Судя по всему, старик этот был весьма важной шишкой. Девчонка почти что во фрунт вытянулась. Но сдержаться Пашка уже не мог. Ответив ему быстрым, ироничным взглядом, старик осторожно развернулся и, подойдя ближе к кровати, принялся с интересом рассматривать странного пациента. После нескольких минут гробовой тишины он усмехнулся и, медленно усевшись на стоявший у стены стул, приказал:

– Ребятки, наведите-ка тут порядок. А вы, доктор, окажите пострадавшим необходимую медицинскую помощь. Вы, милочка, организуйте-ка нам с парнем чайку, а все остальные свободны.

Подчиняясь его команде, бойцы легко подхватили поверженных санитаров и стремительно вынесли их из палаты. Следом за ними отправился врач, а безликий принялся собирать упавшее оборудование. Кое-как водрузив приборы на место, он потоптался на пороге и, сообразив, что других указаний не будет, бесшумно исчез, словно испарился.

Отправленная за чаем медсестра вкатила в палату сервировочный столик, на котором тихо позвякивал чайный сервиз тончайшего фарфора. К Пашкиному восторгу, ложки оказа-

лись серебряными. Удивлённо посмотрев на старика, Пашка решился задать весьма насущный вопрос:

– Простите моё любопытство, а вы, сударь, кто?

– А ты не знаешь? – с интересом спросил старик.

Пашка отрицательно помотал головой.

– И даже не догадываешься? – продолжал допытываться он.

– Я память потерял, – нехотя признался Пашка. – Вроде видел где-то, а вот где... – он удручённо развёл руками.

Задумчиво покачав головой, старик пригубил налитый медсестрой чай и, помолчав, ответил:

– А ведь мы с тобой, дружок, тёзки. Я ведь тоже Павел. Не вспомнил?

Пашка снова помотал головой.

– М-да. Похоже, шарахнуло тебя здорово. Ну да ничего. Кое-что мы тебе и сами напомним, а остальное вернётся. Ты только не унывай. Уныние, дружок, есть тяжкий грех.

– Может, оно и так, спорить не буду. Только радоваться мне тоже особо нечему, – проворчал в ответ Пашка, прихлёбывая чай.

Терпкий, ароматный напиток приятно окатил нёбо, плавно скатившись по пищеводу. Пашку словно обожгло. Когда-то, очень давно, он уже пробовал такой чай. Разрозненные обрывки воспоминаний замелькали в его сознании, словно в калейдоскопе. Едва сдержав рвущийся наружу стон, Пашка осторожно поставил чашку на столик и медленно привалился к спинке кровати.

– Что-то не так? – чутко отреагировал на его жест старик.

– Всё нормально. Просто в себя ещё не пришёл после всего, что в меня это чучело вливало, – тихо ответил Пашка, пытаясь взять себя в руки.

– Не переживай. Больше этого не будет, – пообещал старик. – Только давай договоримся. Я держу этих дураков от тебя подальше, а ты тихо и по доброй воле помогаешь моим умникам.

– Каким образом? – насторожился Пашка.

– Для начала попробуем тебе память восстановить, а потом, когда всё вспомнишь, будешь очень подробно и старательно отвечать на их вопросы.

– И что это будут за вопросы? – не унимался Пашка.

Стоявшая у стены медсестра чуть не застонала в голос.

– Разные вопросы, дружок. Разные. Где бывал, что делал, чем питался.

– И всё?

– Почти. Да ты не волнуйся так. Всё, что нам нужно знать о твоих друзьях, мы и так знаем. Дело не в них, – усмехнулся старик.

– А в ком? – растерялся Пашка.

– В тебе, дружок. Так что? Договорились?

– Ладно. Попробуем, – недовольно пробурчал Пашка.

– Да ты не расстраивайся, – примирительно произнёс старик. – Ничего страшного не будет. Тебе же доктор говорил, что ты сам по себе необычный. Вот мы и хотим понять, откуда это и как так получилось. А чтобы тебе полегче было, ты чаёк пей и меня внимательно слушай. Я тебе про тебя же и расскажу.

– Вы знаете, кто я? – вскинулся Пашка, но старик усадил его на место коротким жестом руки.

– Ты слушай и не перебивай. А то я уже старый, собоюсь и забуду, о чём рассказывал, – наставительно произнёс старик и, помолчав, начал рассказ: – В Санкт-Петербурге, в семье потомственных цирковых артистов родился мальчик. Сам по себе брак его родителей был не простым. Отец, наполовину кавказский горец, наполовину кубанский казак, работал с

лошадьми. Джигитовка, выездка, конная акробатика. Мать, на треть латышка, на треть русская и на треть финка, воздушная гимнастка.

– Как это? – не понял Пашка.

– Одна бабка латышка, вторая финка, а деды оба русскими были, – пояснил старик и, помолчав, продолжил: – Как следствие, паренёк получился крепкий, симпатичный и смышлённый. Сальто крутить начал раньше, чем ходить. Но в один не самый прекрасный день родители, оставив четырёхлетнего малыша на попечение бабушки, уехали на гастроли в Одессу. Там их волной и накрыло. Ещё через год он потерял и бабушку. Не перенесла она потерю дочки. Мальчик был отправлен в семнадцатый детский дом, для одарённых детей. Где и прожил до самого шестнадцатилетия. После окончания школы поступил паренёк в училище, на автомеханика. Но к тому времени уже имел разряд по рукопашному бою, и это стало главными критериями, по которым его определили в армейский спецназ. Рукопашник, механик, сирота, лучшего и желать не приходится. Служил паренёк хорошо, в боевой операции поучаствовал, и даже после этого в войсках остался. Психика крепкая оказалась. Но срок службы прошёл, и вышел наш паренёк в отставку. И как оказалось, без хорошего образования работы на гражданке не так уж и много. Скажу честно, с этого момента многое для меня непонятно. Вроде и профессия есть, и жильём обеспечен. Квартиру свою ему бабка завещала, а он зачем-то в рабочей общаге поселился. Не скажешь, зачем? – неожиданно спросил старик у Пашки, вперив в него острый, пронзительный взгляд.

– В районной управе сказали, что бабка перед смертью квартиру продала, а деньги спрята-
тала. Куда, неизвестно. И кроме койки в общаге, другого жилья не светит, – автоматически ответил Пашка и, замолчав, растерянно посмотрел на старика.

Удовлетворённо кивнув, тот медленно опустил глаза и, помолчав, ответил:

– Так я и думал. Ладно, с управой мы потом разберёмся. А вот то, что ты такую важную деталь вспомнил, это здорово. Значит, не всё ещё потеряно.

– Надеюсь, – вздохнул в ответ Пашка. – А дальше-то что было? – с надеждой спросил он у старика.

– А дальше? Дальше наш паренёк помыкался, покрутился, трёх быков дурных в тёмном переулке искалечил и из империи подался. Так сказать, на вольные хлеба. В Испанию, телохранителем. И с этого момента мне о нём ничего не известно. Знаю только, что после армии паренёк наш сильно небом увлёкся. Летать захотел. А вот три месяца назад сбили его на границе ЗСВ. То, что у тебя только половина лица обгорела, это ты должен очки и лётный шлем благодарить. А вот за то, что после семи пулевых ранений выжил, наверное, – только Создателя и собственный организм.

– Не за что тут благодарить, – мрачно бросил Пашка. – И раньше-то жизни не было. А теперь кому я вообще с такой рожей нужен? Мною же теперь только непослушных детей пугать.

– Ну, это ты, Павел Асламович, брось. Не гневи Бога, – строго произнёс старик.

– Что-то вы часто Бога поминаете. Сильно верующий, что ли? – криво усмехнувшись, спросил Пашка.

– Ну, божиться божусь, да в попы не гожусь, – усмехнулся в ответ старик.

– Тогда должны бы знать, что не нужно поминать его всуе, – не удержался от шпильки Пашка, внимательно наблюдая за реакцией старика.

– Уел старика, – рассмеялся тот в ответ. – Шустрый. Это хорошо. Не люблю трусливых и задним умом мудрых.

– Павел Асламович. А дальше-то как? – тихо спросил Пашка.

– Шихоев Павел Асламович. А вот даты и числа сам вспоминать будешь. А то я тебе и так почти всё разжевал и в рот положил, только проглотить осталось, – улыбнулся старик, допивая чай.

– Можно ещё вопрос? – тихо спросил Пашка.

– Попробуй, – одобрительно кивнул старик.

– Вы ведь очень серьёзный пост занимаете. Так почему лично мною заинтересовались? Не поверю, что других дел нет.

– А как же. Есть. Да только я этим двоим не очень-то изначально доверял. Один, кроме науки, дальше собственного носа не видит. Лекарь с наклонностями садиста. А второй просто дурак. Хотя и считается, что в нашем ведомстве таких не держат, но куда от них денешься? Да и не всегда это сразу наружу вылезает. Иногда долго внутри сидит. Ну да ладно. Не о них речь. Всё дело в том, что твои способности к регенерации просто феноменальны. Я, да что там я, все имперские профессора на дыбы встали, когда результаты анализов увидели. Чуть на клочки меня не порвали, требуя тебя им вживую явить.

– Значит, вы теперь меня им как диковину балаганную показывать будете? За деньги? – с тихой ненавистью спросил Пашка.

– Не дури, – отмахнулся старик. – Изучать тебя будем. Холить, лелеять и изучать. Не должно такое чудо даром пропадать. Только представь, сколько жизней можно будет спасти, если нужный препарат изготовить. Сколько людей, солдат выживет, если всё получится.

– А как же моя жизнь? Как мне быть? – тихо спросил Пашка, чувствуя, как кровь закипает в жилах. – Думаете, я вам крыса подопытная? Или раз морда палёная, то и деваться мне некуда?

– Тихо, дружок, тихо. Не нагнетай обстановку. Никто тебя со счетов не сбрасывает. Закончим изучение, и свободен. Жильё тебе выделим, работу подыщем. Станешь и дальше, как все, жить. Только это всё заработать надо. Империя у нас, конечно, не бедная, но за каждую копейку я отчитаться должен. И вот ещё что. Если к концу наших дел шрамы твои не выправятся, мы тебе за счёт казны и пластическую операцию сделаем.

– А если не выйдет? Если не смогут ваши умники такой препарат сделать, что тогда? На помойку? Так какой мне тогда смысл напрягаться, если результат не от меня зависит?

– Умный ты парень, Паша, – рассмеялся старик, от избытка чувств хлопнув себя по коленке. – Молодец, хороший вопрос задал. На посулы не повёлся. Радует. И вот что я тебе на это отвечу, друг ты мой сердечный. Если результата не будет, я тебе из личного фонда жильё выделю и к себе в личную охрану на работу определю. Нравишься ты мне. Умный, злой и собеседник интересный. Люблю таких.

– И часто вы со своими охранниками беседуете? – иронично спросил Пашка, всё ещё не доверяя старику.

– Не редко, – улыбнулся старик. – Люблю за жизнь поговорить. Старый, наверное, стал, вот и болтать чаще начал.

– Свежо питание, да серится с трудом, – не удержавшись, фыркнул Пашка.

Услышав ловко переиначенную присказку, старик громко, от души расхохотался. Утерев набежавшие от смеха слёзы, он иронично посмотрел на собеседника и, медленно поднявшись, сказал:

– Насмешил ты меня, тёзка. Давно я так не смеялся. Ты не переживай особо. Я своё слово всегда держу. А чтобы ты в сомнениях не мучился, я тебе к следующей встрече новые документы принесу и свидетельство о собственности на квартиру.

– Зачем они мне здесь? – растерялся от такого напора Пашка.

– Просто так. Чтоб было. Посмотришь, в руках поддержишь, может, и поймёшь, что не все тебя обмануть хотят. Глядишь, и словам моим верить начнёшь.

– А вам так важно, верю я вам или нет? – удивился Пашка.

– А как же? Если ты мне веришь, значит, и с ребятами моими откровенным будешь, а значит, и делу польза, – усмехнулся в ответ старик и, кивнув на прощание Пашке и замершей у стены медсестре, медленно вышел из палаты, тихо постукивая своей тростью.

– Что ж вам всё-таки от меня нужно? – мрачно протянул Пашка, дождавшись, когда стук его трости стихнет в коридоре.

– Не дури, Паша. Неужели ты так и не понял, кто это был? – полушепотом проговорила медсестра.

– Не-а, – качнул головой Пашка. – А кто?

– Это же сам Куклов Павел Андреевич. Директор Имперской службы безопасности, – ответила она благоговейным шёпотом.

– Сам серый кардинал по мою душу явился, – горько усмехнулся Пашка.

– Не за душой, а за телом, – хихикнула в ответ медсестра.

– Да уж, – скривился в ответ Пашка. – Теперь главное, чтобы ни у кого из его ребяташек дурных наклонностей не появилось. А то ведь воспользуются случаем.

– Не переживай, – рассмеялась в ответ сестра. – Если потребуется, они сюда всё что угодно притащат. Из-под земли найдут, а притащат.

– Ты о чём это? – не понял Пашка.

– О том самом. Думаешь, их только твоя регенерация интересует? Они теперь тебя только что на запчасти не разберут, чтобы выяснить, что, на что и как влияет. Потерпи, будут тебе и бабы и свисток, – ехидно усмехнулась она.

– Вот только этого мне ещё не хватало, – схватился Пашка за голову. – Пусть на дисках порнуху смотрят.

– Извини, но это одна из важнейших функций человеческого организма, – пожала плечами медсестра.

– Да иди ты к чёрту со своими функциями, – огрызнулся Пашка.

– Не с моими, а с твоими, – усмехнулась она в ответ. – Чай ещё будешь пить? – спросила она без всякого перехода.

– Спасибо, – ответил Пашка, отрицательно мотнув головой. – Ты иди пока. Мне подумать надо, – тихо сказал он, осторожно укладываясь на кровать.

– Думай. Тебе полезно, – съехидничала рыжая, выкатывая из палаты столик.

«Стерва рыжая», – беззлобно подумал Пашка, скользнув по её округлостям извечным мужским взглядом.

Несмотря на слабость и полное отсутствие воспоминаний о прошлой жизни, Пашка был почему-то уверен, что женщин в его жизни было много, но постоянной подруги в ней не наблюдалось. Как следствие, оживающий организм молодого мужчины откликнулся на увиденное вполне здоровым томлением в определённых частях тела.

Мрачно вздохнув, Пашка покосился на приподнявшееся одеяло и тихо, чтобы не могла записать камера, проворчал:

– В зеркало на себя посмотри, Казанова.

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы все фривольные мысли моментально улетучились, а вместо них появились размышления о будущей судьбе. То, что старик пообещал осыпать его золотым дождём, Пашке слабо верилось. Как дали, так и отберут, подумал он, вспоминая обещания старика. Так и не придя к какому-то конкретному решению, он уснул, утомлённый слишком насыщенным событиями днём.

* * *

Дорога ложилась под колёса длинной извилистой лентой, заставляя её любимый кабриолет мягко покачиваться на амортизаторах, легко вписываясь в очередной поворот. Она любила быструю езду. Она вообще любила всё быстрое. Быстрая езда, быстрый полёт, иногда даже быстрый секс.

Это было динамично, захватывающе и будоражило кровь, заставляя её забывать о том, кто она такая и как должна себя вести, чтобы не уронить чести фамилии. И словно специально, ей, как назло, каждый божий день напоминали об этом.

Вот и сейчас мерседесовский джип охраны, безнадежно отстав, истошно засигналил фарами и проблесковыми маяками, требуя, чтобы она сбросила скорость. Бросив быстрый взгляд в зеркало заднего вида, она втопила педаль газа в пол, нахально помахав рукой отстающему джипу.

Лихо вписавшись в очередной поворот, машина спятившим метеором пронеслась по тщательно выглаженному шоссе, охранник которого едва успел поднять шлагбаум, и, сжигая на крутом повороте резину, с визгом влетела во двор трёхэтажного особняка.

Затормозив в считанных сантиметрах от стены гаража, она выскочила из автомобиля и, бегом влетев в холл, с ходу наткнулась на спускавшегося вниз отца.

– Опять носишься сломя голову? – мрачно проворчал тот, неодобрительно глядя на дочь. – Сколько раз я тебя просил не отрываться от охраны? Неужели так сложно понять, что ты легко можешь стать мишенью для всякого рода подонков?

– Папа, я всю дорогу ехала, соблюдая правила, а газу поддала только перед съездом с кольцевой, – быстро ответила она, пытаясь пресечь поток нравоучений. – Здесь же одна дорога, и посторонних на ней не бывает.

– Всё равно, нужно быть осторожной, – добавил отец, подставляя щеку для поцелуя.

Быстро поцеловав его в пахнущую дорогим парфюмом щеку, она проскользнула на второй этаж, к себе в комнату. Небрежно отбросив сумочку из натуральной крокодиловой кожи в кресло, она сбросила туфли и танцующим шагом направилась в столовую. Хорошее настроение и быстрая езда вызвали у неё жажду.

Плеснув в высокий стакан холодного апельсинового сока, она подошла к окну и, мечтательно посмотрев на замершие под вечерними лучами сосны, задумалась. Через неделю её вольная жизнь должна была закончиться. Её приятель, Максим, месяц назад сделал ей предложение. Она приняла его и с общего согласия двух известных в империи семейств принялась готовиться к свадьбе.

Их отцы, знакомые ещё со времён приснопамятной перестройки, давно уже решили объединить капиталы, для чего и был задуман сей династический брак. Говорить о большой любви к Максиму она не могла, но ей очень импонировало его внимание.

Высокий, красивый, с великолепной атлетической фигурой, он был предметом тайного обожания всех университетских девчонок, но достался ей одной. Именно это обстоятельство сыграло, пожалуй, главную роль в её согласии.

И вот теперь она, Наталья Вячеславовна Кручинина, стоя у окна, мечтала, как вскоре станет хозяйкой собственного дома, в котором сможет обустроить всё так, как понравится ей. Её отец, Вячеслав Иванович Кручинин, был министром культуры империи и владел изрядным количеством пакетов ценных бумаг во многих имперских компаниях.

Отец Макса, как называла его Наталья, известный бизнесмен Верховский, старательно обхаживал Кручинина, мечтая оказаться поближе к власти. Но Наталью это не волновало. Макс, в отличие от своего отца, бизнесом мало интересовался, предпочитая заниматься собой любимым.

Спортзал, бассейн, массажный салон занимали почти всё его время. Вечера занимала Наталья и клубы, до посещения которых Макс был очень охоч. Но эта привычка мало беспокоила Наталью. Женится, уgomонится, успокаивала она себя. Больше всего её интересовало, станет ли новоявленный муж делить с ней её увлечение экстримом: авто– и мотогонками, парашютом и подобными развлечениями.

Оставив стакан с недопитым соком на подоконнике, Наталья вернулась к себе и, не спеша сменив деловой костюм на более демократичные джинсы, внимательно осмотрела своё отражение в зеркале. Выше среднего роста, стройная, спортивная, подтянутая, с копной густых русых волос и длинной, гордо посаженной шеей, она создавала впечатление гордой недотроги.

Гладкое лицо сердечком, чуть вздёрнутый аккуратный носик и большие синие глаза, смотревшие на свет внимательно и чуть озорно, довершали картину. Конечно, можно было бы и грудь побольше, и ноги подлиннее, и попку покруглее, но чего не дано, того просто нет. И так неплохо, решительно резюмировала она и, стремительно развернувшись, выскочила во двор.

Не обращая внимания на мрачно сидящих в джипе охранников, она прыгнула в свой кабриолет и, запустив двигатель, стремительно вылетела со двора, оставляя за собой следы и дым сожжённой резины. Помянув недобрым словом всех властителей и их психованных детишек, водитель запустил двигатель и, вдавив педаль газа в пол, помчался догонять скрывшуюся за поворотом машину.

Подлетев к съезду с кольцевой в город, Наталья придержала машину, позволяя джипу охраны пристроиться себе в хвост, и, включив поворотник, дисциплинированно влилась в поток машин, медленно кативших к центру Москвы. Разгоняя ехавших за ней обывателей проблесками стробоскопов, джип охраны устроился сразу за её кабриолетом, нависая широким бампером над хрупким багажником дорогой игрушки. Водитель в джипе был настоящим асом.

Доехав до стоянки одного из самых элитных ночных клубов, Наталья ловко припарковалась и, бросив ключи от машины водителю джипа, легко зашагала к знакомым дверям. Издав узнав постоянную клиентку клуба, секьюрити на входе изящным жестом распахнул стеклянную дверь, выдав ей дежурную улыбку.

Проводив её до дверей, охранники вздохнули и, переглянувшись с местными вышибалами, вернулись к машине. Теперь за барское тело отвечали не они, а местные громылы. Быстро взбежав по ступенькам широкой лестницы, Наталья вошла в зал и, быстро оглядевшись, направилась в сторону VIP-кабинок.

Как она и ожидала, Макс оказался на своём любимом месте. Сидя на роскошном кожаном диване и потягивая двадцатилетний молт, разбавленный ключевой водой, он с интересом рассматривал нескольких полуобнажённых девиц, медленно ломавшихся на танцполе.

Небрежно плюхнувшись на роскошный диван, Наталья подставила ему щеку для поцелуя и, покосившись на девиц, ехидно спросила:

– Представляешь себя восточным шейхом?

– Пытаюсь увидеть красивые движения, – с видом скучающего эстета ответил Макс.

– Тогда лучше смотри на меня. Быстрее увидишь, – рассмеялась Наталья, забирая у него стакан и делая маленький глоток.

Она не была любительницей алкоголя, но пару глотков, для куража, могла себе позволить. Отдав Максу стакан, она обвела помещение более внимательным взглядом и, заметив стайку знакомых ребят, решила сходить поздороваться и заодно узнать последние новости. Повернувшись к Макс, она открыла было рот, чтобы поставить его в известность о своих планах, но, заметив, что он не сводит глаз с какой-то грудастой блондинки, решила не отвлекать и, молча поднявшись, вышла из кабинки.

Перекинувшись парой слов со знакомыми, Наталья прошла к бару и, взяв банку модного энергетика, медленно двинулась по кругу, высматривая старых знакомых, с которыми давно не виделась. Ночной клуб был модным, и молодёжная элита собиралась здесь, чтобы потанцевать и просто встретиться.

Убедившись, что новых лиц в клубе не появилось, Наталья развернулась и отправилась обратно в кабинку. Но на подходе к облюбованному Максом месту она была неприятно удивлена. На её месте рядом с Максом восседала та самая блондинка, демонстративно выставив сильно декольтированную грудь.

Сам Макс, вместо того чтобы выгнать наглую девицу, распускал перед ней павлиний хвост, не поднимая глаз от её бюста. Решительно войдя в кабинку, Наталья окатила девицу презрительным взглядом и, демонстративно усевшись Макс, на колени, громко произнесла, делая вид, что не замечает её вообще:

– Максик, поехали кататься, а то сегодня здесь скука смертная.

– Ната, ты же видишь, я разговариваю, – попытался отмахнуться от неё Макс, но Наталья не привыкла просто так отдавать своё.

– С кем это ты тут разговариваешь? С этой коровой, что ли? – спросила она, презрительно ткнув тщательно наманикюренным пальчиком прямо в героические прелести противницы.

– Это кто тут корова? – мрачно произнесла та, медленно поднимаясь на ноги.

– Ты, конечно, – небрежно пожала плечами Наталья. – Вымя выставила, как настоящая дойная корова. Сразу видно, что самка.

– Ах ты, тварь! Плоскодонка вонючая! – завопила блондинка, пытаясь схватить Наталью за волосы.

Ожидая чего-то подобного, Наталья ловко перехватила протянутую руку со скрюченными от злости пальцами и одним ловким приёмом вывернула её блондинке за спину, заставив ту согнуться пополам. Двинув девушку локтем по почке, Наталья резко вытолкнула блондинку из кабинки, добавив ей ускорение крепким ударом ноги в роскошный зад.

Промажнувшись мимо ступеньки, блондинка запуталась в собственных ногах и растянулась во весь рост. Решительно выйдя из кабинки, Наталья встала над поверженной противницей и громко сказала:

– Что, подруга, в коленках слаба или вымя перевешивает?

Услышав её слова, ломавшиеся на танцполе девушки зашлись от злорадного хохота. Всегда приятно видеть чьё-то падение. К месту побоища со всех сторон уже спешили вышибалы. Едва разглядев, с кем именно им придётся иметь дело, бравые бойцы заметно скисли и, подняв с пола блондинку, повели её к бару так осторожно, словно она была стеклянная.

Окинув клуб победным взглядом, Наталья развернулась и с видом победительницы вернулась в кабинку. Усевшись на диван, она глотнула свой энергетик и, поставив стакан на стол, решительно спросила:

– Надеюсь, ты помнишь, что через неделю у нас свадьба?

– Надейся, – с непонятной интонацией ответил Макс.

– Не поняла! Хочешь сказать, что передумал жениться? – спросила она с явной угрозой в голосе.

– Я этого не говорил, но хочу сразу тебя предупредить, я не твоя вещь и делать буду только то, что сам решу, и тогда, когда я решу, – резко ответил Макс.

– А моё мнение тебя не интересует? – удивлённо спросила Наталья.

– Нет. Твоё мнение – это только твои проблемы.

– Вот как? – изумлённо спросила Наталья. – Тогда, может, отменим всё, пока не поздно?

– Не стоит предков расстраивать. Давай просто договоримся, ты живёшь своей жизнью, а я своей. Ты любишь экстрим, а я всё красивое, включая женщин. Будем просто жить, не мешая друг другу, и всё будет прекрасно. Главное, вовремя ставить друг друга в известность, кто куда поехал, – мрачно улыбаясь, сказал Макс.

– И ты готов так жить? Зная, что твоя жена спит с кем-то? Ездит непонятно куда и зачем? А если у меня появится ребёнок? Ты будешь готов принять его и назвать своим? Ведь в противном случае тебе придётся примерить корону рога носца, – ответила Наталья со злостью.

– Надеюсь, у тебя хватит ума не залететь от какого-нибудь плебея, – фыркнул в ответ Макс. – В противном случае тебе придётся избавиться от выродка. Корону я как-нибудь переживу, а вот как твой папаша перенесёт твоё звание великосветской шлюхи? Не думаю, что скандал пойдёт ему на пользу.

– Ну ты и подонок, – покачала головой Наталья.

– Вот и договорились, – рассмеялся в ответ Макс. – А теперь развлекайся, дорогая. А я продолжу своё знакомство, – добавил он, поднимаясь и не спеша направляясь к бару, где всё ещё сидела побитая блондинка.

Одним глотком допив энергетик, Наталья резко встала и, не обращая внимания на заинтересованные взгляды девиц с танцпола, решительно вышла из клуба. Заметив хозяйку, охранники моментально выскочили из машины и, ловко оттерев толпящихся у порога ребят, проводили её до кабриолета.

Покосившись на ключи, протянутые ей на широкой ладони, Наталья отрицательно качнула головой и, вздохнув, сказала:

– Пусть кто-нибудь из вас за руль сядет. Я немного выпила.

Понятливо кивнув, один из охранников уселся за руль и, запустив двигатель, с явным удовольствием прислушался к мощному урчанию, раздававшемуся из-под капота. Чуть улыбнувшись наивному удовольствию, промелькнувшему на лице парня, Наталья села на пассажирское сиденье и, откинувшись на подголовник, коротко скомандовала:

– Поехали.

Осторожно выведя кабриолет с парковки, охранник вырулил на магистраль и уверенно повёл машину в сторону Подмосковья. Откинувшись на сиденье, Наталья задумчиво смотрела на пробегающий мимо пейзаж, механически накручивая на палец прядь своих волос. Разговор с Максом заставил её резко пересмотреть своё отношение к свадьбе вообще и к нему в частности.

Как и у любого представителя золотой молодёжи, у Натальи была только одна проблема. Так называемые династические браки привели к тому, что элита империи начала превращаться в закрытое сообщество, где к третьему поколению все браки стали почти близкородственными.

Отлично понимая, чем может грозить подобная изоляция, элита негласным решением начала принимать в свой круг так называемых купцов. Людей от крупного бизнеса, благо деньги их интересовали мало. Именно такой брак и предстоял Наталье. Но как оказалось, Максим был совсем не тем, за кого она его принимала.

Проведя в раздумьях всю дорогу до дома, она решила обсудить эту проблему с отцом. Мать, эффектную внешне, но недалёкую умом женщину, она в расчёт не брала, тем более что её вообще дома не было. В очередной раз, получив от мужа изрядную сумму денег, она укатила за границу, отдыхать. Хотя, от чего успела устать, ни Наталья, ни её отец так и не поняли. Вернуться она должна была только через три дня, к назначенной дате.

Едва дождавшись, когда машина въедет во двор, Наталья выскочила на чисто вычищенный асфальт двора и бегом влетела в дом. Стремительно взбежав по лестнице, она прошла к кабинету отца и, из вежливости стукнув в створку красного дерева тщательно ухоженными ногтями, решительно вошла в кабинет.

Сидя за старинным резным столом, господин Кручинин что-то быстро писал на листе роскошной, с цитрусовым запахом бумаги. Увидев дочь, он отложил золотую ручку и, перевернув исписанный лист, спросил, заметив, что она расстроена:

– Что случилось, Татошка?

Наталья была единственным ребёнком в семье, и её детское прозвище отец всегда произносил с изрядной долей тепла. Присев в глубокое, мягкое кресло, она задумчиво посмотрела на отца, не зная, с чего начать. Наконец, приняв решение, она тихим голосом рассказала отцу о сегодняшнем разговоре с Максом.

– Вот как? – задумчиво протянул Вячеслав Иванович, задумчиво вертя в пальцах ручку. – Не думал, что он окажется таким подонком. Но делать нечего. Приглашения уже разосланы. Приглашены все первые лица. Но если ты решишь всё отменить, я пойму, – быстро добавил он, заметив, как исказилось её лицо.

– Можно ничего не отменять, но я не хочу жить затворницей в то время, когда он будет развлекаться в своё удовольствие. И ещё, я хочу знать, как ты отнесёшься к тому, что я решу завести ребёнка не от этого уродя, а от другого человека, который покажется мне более достойным.

– Если ты говоришь о возможном скандале, то можешь не беспокоиться. Я его переживу, – грустно улыбнулся Кручинин. – У меня найдётся, что ответить твоему Максусу.

– Спасибо, папа, – грустно улыбнулась Наталья.

Она отлично понимала, что будет, отмени она свадьбу сейчас. Приглашения были направлены первым лицам империи ещё месяц назад, и отмена означала, что все приготовленные подарки, купленные к их свадьбе платья и украшения останутся неиспользованными, что в их среде означало подвергнуться тихой изоляции.

Подкладывать такую свинью отцу она не хотела и потому, рассказав ему всё как есть, задала именно этот, самый главный вопрос. Как отец отнесётся к её беременности от постороннего человека. И теперь, получив ответ, радостно улыбнулась.

Практически она получила от отца карт-бланш на любые действия, какие только придут ей в голову. Вот теперь она была готова поспорить с Максом по-крупному. Обойдя стол, она присела на подлокотник кресла и, обняв отца за шею, прижалась к его плечу. Как когда-то в детстве.

Кручинин всегда любил дочь, при этом относясь к собственной жене как к неизбежному злу. Мать мало интересовалась делами дочери, предпочитая шопинги и тусовки, поэтому Наталья с самого детства предпочитала обращаться со своими проблемами к отцу, заранее зная, что тот всегда её выслушает и даст хороший совет. В крайнем случае ласково утрёт слёзы и просто пожалеет.

Выйдя из кабинета отца, Наталья прошла к себе и, раздевшись, залезла в ванну. После сегодняшней встречи с Максом она ощущала просто физическую потребность помыться. Наполнив ванну и как следует взбив пену, она погрузилась в воду и, устроившись поудобнее, закрыла глаза.

* * *

Немой уверенно шёл по хрусткой осенней траве, выводя Самурая к искомой точке. Целью их путешествия был город, некогда звавшийся жемчужиной Чёрного моря. Одесса. Город, о котором пели песни, писали рассказы и снимали фильмы. Город, переживший несколько войн, выстоявший под фашистскими бомбами, выдержавший все бандитские разборки. Город, уничтоженный волной и ставший могилой для многих сотен тысяч людей.

Они шли уже неделю, старательно обходя бульки, промоины и завалы, в которых могли застрять даже танки. На подходе к городу Немой внезапно насторожился и сделал Самурая знак притихнуть. Он явно что-то услышал или почувствовал. Иногда Самурая казалось, что напарник использует не только слух и зрение, но и принимает к окружающему воздуху, как ищейка.

Именно так было и в этот раз. Высоко подняв голову, Немой медленно втягивал морозный воздух расширенными ноздрями, плавно поворачивая голову из стороны в сторону, чтобы точнее определить направление. В свою очередь, Самурай внимательно следил за окружающими развалинами, поводя стволом автомата.

Именно этот симбиоз и позволял им действовать наиболее эффективно, удерживая рядом. Орлиное зрение Самурая и чуткий нюх Немого делали их отличной командой. На слух не жаловались оба. Иногда, даже в полной темноте ночи, они умудрялись обнаружить противника раньше, чем тот успевал заметить их самих.

Понимая, что напарник остановился не просто так, Самурай отступил в сторону, под прикрытие обломка осветительной опоры, и принялся всматриваться туда, откуда лёгкий ветерок принёс встревоживший Немого запах.

Медленно смещаясь поперёк движения ветра, словно идя галсами, как парусник, Немой окончательно определил направление, откуда доносился запах, и, сделав Самурая знак – опасность, двинулся в определённом направлении. Плавно сдвинув предохранитель, Самурай про-

верил, как выходит из кобуры «беретта», и медленно двинулся следом за ним, стараясь не хрустнуть ни единой веточкой.

Полчаса такого осторожного передвижения, и они подобрались к маленькой прогалине, расположенной на самой окраине города. Низина, закрытая с трёх сторон занесёнными землёй развалинами, выходила дальней стороной на пологий спуск, очевидно некогда бывший широким проспектом.

На самом дне низины группка странных личностей, разведя костёр, пыталась приготовить себе обед. Судя по тушкам, медленно поворачивавшимся на деревянном вертеле, охота была удачной, и четыре крысы стали их добычей.

Подобравшись к самому гребню, Немой внимательно рассмотрел сидевших у костра людей и, отодвинувшись назад, тихо прошептал, повернувшись к Самураю:

– Падальщики.

Сделав знак, что всё понял, Самурай тихо перевёл автомат на стрельбу очередями и вопросительно посмотрел на напарника. Каждый постоянный житель зоны считал своим долгом уничтожить любую попавшуюся на глаза команду этих падальщиков.

Проникая в зону через границу, группы людей, имеющих возможность жить нормальной жизнью, старательно раскапывали все попадавшиеся им на дороге развалины, собирая всё, что имело хоть какую-то ценность, не оставляя в покое даже могилы. Их начали уничтожать после того, как увидели, что падальщики старательно потрошат Рачью Заводь.

Что это такое, Самураю объяснили в первые дни его появления в зоне. Огромная волна, сметая всё на своём пути, пронеслась по всей стране, унося не только машины и деревья, но и людей. По какой-то странной причине на пути её следования образовались заводы, в которых вода по какой-то странной прихоти судьбы собрала сотни тел, не успевших спастись.

Именно эти заводы и начали, по вполне понятной причине, называть Рачьими. Хотя и твердили экологи, что раки водятся только в чистой воде, но те, что жили в заводах, больше напоминали омаров и, вопреки всем научным выкладкам, продолжали жить и плодиться.

Именно в эти заводы и принялись нырять падальщики, используя акваланги и поднимая на поверхность тела, чтобы, обобрав их, небрежно бросить догнивать на берегу. С тех пор на падальщиков объявили охоту. Как ни тяжело было жителям зоны выживать, но никому из них и в голову не приходило потревожить покой погибших. Ведь среди них могли оказаться близкие тех, кто умудрился выжить.

И теперь, увидев логово падальщиков, Немой, не задумываясь, принялся готовиться к драке. Он не спрашивал согласия Самурая, он просто делал то, что должен был делать. Заметив, как напарник достаёт из рюкзака гранаты и проверяет боезапас, Самурай скинул с плеч станкач и, быстро проверив сдвоенные рожки, достал пару трофейных РГДшек.

Подвесив гранаты к разгрузке, Самурай покосился на напарника и, тронув его за плечо, тихо сказал:

– Может, подождём, когда все соберутся?

Вместо ответа Немой поочерёдно ткнул пальцем в три точки, где засели караульщики, и, указав на костёр, сжал пальцы в кулак. Всё было ясно без слов. Трое падальщиков в карауле, остальные собрались у костра, чтобы, быстро поев, сменить их.

Ещё раз осмотрев место действия, напарники разобрали цели и, расписав партитуру, приготовились к бою. Тем временем у падальщиков поспело жаркое, и один из мародеров, сняв вертел, принялся разрезать тушки на порции. Убедившись, что ждать больше нечего, Немой выдернул из гранаты чеку и, размахнувшись, запустил её прямо в костёр падальщиков.

Одновременно с его броском Самурай нажал на курок. Ближайший к ним охранник кулем свалился с дерева, на котором сидел, задумчиво ковыряя в носу, вместо того чтобы внимательно следить за лесом. Быстро переведя ствол на второго охранника, Самурай ещё раз

нажал на курок и попытался выцелить третьего, но вместо человеческой фигуры увидел только качнувшиеся ветви.

У парня оказалась отличная реакция. В этот момент в низине раздался взрыв, и команда падальщиков прекратила своё существование. Остался только последний караульщик, успевший нырнуть в кусты. Оставив Немого контролировать низину, Самурай тенью метнулся вдоль распадка, обходя оставшегося в живых караульщика с фланга.

Он отлично знал привычки мародёров. Оставшись один, мародёр никогда не уйдёт от лагеря. До тех пор, пока не получит возможность забрать награбленное. У этих подонков выработался своеобразный кодекс – никогда не переходить границу без добычи. Даже если при этом погибли все твои подельщики.

Чтобы не нарваться на пулю, Самурай залёг за проржавевшим до дыр кузовом, отдалённо напоминавшим вазовскую «девятку», и по-пластунски пополз к кустам, где сидел сторож. Обычно серьёзного оружия у падальщиков не бывало. Они использовали охотничьи ружья, чтобы, попавшись на границе, всегда можно было сослаться на то, что заблудился на охоте.

Но и охотничье ружьё с близкого расстояния могло наделать серьёзных бед, особенно если стрелять картечью. Обрез древней ижевской вертикалки всегда висел в кобуре у бедра Немого. Пользовался он им просто виртуозно.

Подобравшись к кустам, где до этого сидел охранник, Самурай быстро осмотрелся и, убедившись, что выживший сторож успел сменить место дислокации, принялся внимательно изучать траву вокруг кустов, уткнувшись в неё носом и почти вынюхивая направление, в котором исчез противник.

Ему повезло. Засевший среди кучи бетонных обломков падальщик, не выдержав напряжения, пальнул в его сторону, едва заметив шевеление среди кустов. Вот теперь можно было смело бросать рыть носом землю и сосредоточиться на дуэли. По выстрелу Самурай с ходу определил, что не ошибся в своих выкладках.

Сторож действительно стрелял из охотничьего ружья. Оставалось понять, что именно за ствол у него был. Помповуха или полуавтомат. И то и другое было одинаково поганно, но если выбирать из двух зол меньшее, то Самурай предпочёл бы помповуху.

В этом случае у него была пара секунд на ответный выстрел и перемещение, пока противник передёргивает затвор. Переведя флажок предохранителя в положение одиночного огня, Самурай чуть приподнялся и, не целясь, выстрелил в направлении развалин.

В ответ раздался грохот выстрела и кусты над его головой сильно проредились провизжавшей в воздухе картечью. Судя по всему, стрелок был опытный и на патронах не экономил. Самурай сделал в ответ два выстрела и, приподняв голову, чуть было не выругался в голос.

Обошедший развалины по кругу Немой осторожно подбирался к стрелку со спины. Не заметивший его Самурай вполне мог ранить своего напарника. Теперь ему предстояло стать в три раза внимательнее. Ещё раз приподнявшись, Самурай выстрелил в сторону развалин, стараясь направить ствол в сторону от напарника. Главное, было удержать противника на месте.

В ответ раздалось два выстрела подряд, а затем, после короткой паузы, пронзительный вопль боли. Немой всё-таки добрался до стрелка. Словно в ответ на эти мысли, со стороны развалин раздался негромкий свист, и Самурай вскочил, словно подброшенный пружиной. Ему следовало подстраховать напарника. Кто знает, сколько всего было мародёров и когда они могли подобраться.

Стремительно сбежав с пригорка к развалинам, он легко перемахнул через торчащий из земли бетонный блок и, приземлившись на полусогнутые ноги, быстро повёл стволом из стороны в сторону. Но воевать уже было не с кем. Целый и здоровый Немой, сидя верхом на противнике, увлечённо спутывал ему руки за спиной обрывком какого-то провода, очевидно, подобранного где-то неподалёку.

В двух шагах от них валялось охотничье ружьё. Помповуха, как и думал Самурай. Подобрал оружие, он быстро передёрнул затвор и, поймав вылетевший патрон, проверил маркировку. Патрон оказался выпущен знаменитой фирмой «Магнум» и снаряжен картечью. На боеприпасах они действительно не сэкономили.

Немой закончил упаковывать стрелка и, поднявшись, рывком перевернул его на спину. Вскрикнув словно от боли, стрелок упал на связанные руки и вдруг совершенно по-женски расплакался. Напарники удивлённо переглянулись, и Самурай, движимый больше любопытством, чем жалостью, присел рядом со стрелком.

Быстрым движением отбросив с головы пленника капюшон и вязаную шапку, он с удивлением посмотрел на напарника. Пленник оказался молодой девушкой. Черноволосой, курносой, с большими серыми глазами и припухшими от плача губами.

«Вполне себе ничего», – мелькнула у Самурая мысль.

Заметив на плече девушки ремень охотничьего патронташа, он ловко избавил её от лишнего груза и, выдернув из ножен на её поясе нож, мрачно спросил:

– Ну и какого хрена тебя сюда понесло? Тем более с этими подонками?

– Руки развяжите, плечу больно, – всхлипнула в ответ девчонка.

Недолго думая, Самурай расстегнул молнию её камуфляжной куртки и, быстро ощупав кость, удивлённо покосился на Немого. Скручивая девчонку, он умудрился вывихнуть ей плечо. Понимая, что жалеть падальщика по меньшей мере глупо, он мрачно посмотрел на девчонку и повторил свой вопрос:

– Так что ты тут делала?

– Угадай с трёх раз, – огрызнулась девчонка.

– Глупо, – пожал плечами Самурай. – Всё равно ведь выбьем. Так чего упираться? Или ты мазохистка и любишь, когда больно делают?

– Нет, – судорожно замотала она головой. – Не надо, и так всё скажу. Меня отец с собой взял. Сказал, что пора к делу приучаться.

– И давно он тут шакалит? – мрачно спросил Самурай.

– Четвёртый сезон. Но в этот раз с самого начала всё не так шло. Он сам говорил. Сначала чуть на границе не попались, хотя им давно уже уплачено было. Потом, когда под воду пошли, чуть в тоннеле не завалило, думали, не выберемся, а теперь вот вы.

– И мы, это уже навсегда, – криво усмехнулся Самурай, покосившись на Немого. – Сколько вас было?

– Восемь человек. Почти вся семья, – нехотя ответила девушка.

– Семейный подряд, значит, – мрачно констатировал Самурай. – А вы не думали, что потрошите могилы, на которые приходят живые люди? Что роетесь там, куда даже мы не лезем просто потому, что там лежат наши близкие?

– Но ведь это не кладбище, – неуверенно возразила она.

– Верно, это не кладбище, – тихо ответил Самурай. – Это братская могила сотен тысяч погибших! – неожиданно заорал он с такой яростью, что заметно успокоившаяся девчонка испуганно шарахнулась в сторону, заревев с новой силой.

– Где лодка и акваланги? – успокаиваясь, спросил он.

– Там, в кустах, – мотнула она головой в сторону прогалины.

– А то, что успели нарыть?

– Было у отца в рюкзаке, – проворчала она, снова заливаясь слезами.

– Ну, пошли, посмотрим, что там у вас есть, – вздохнул Самурай, хватая девчонку за шиворот и рывком поднимая её на ноги.

Одобрительно кивнув, Немой бесшумно скрылся в кустах. Нужно было собрать всё упущенное оружие. Однажды, очень давно, Немой, при помощи жестов и двух-трёх слов объяс-

нил ему, что оставлять заряженное и готовое к бою оружие без пригляда глупо. Однажды оно может выстрелить в тебя.

Поэтому после любого столкновения оружие нужно было собрать и, разрядив, либо сломать, либо донести туда, где его никогда не используют тебе во вред. Но сейчас, находясь в рейде, они не могли тащить на себе кучу стволов. Значит, им предстояло сделать так, чтобы его больше никто не нашёл.

Выведя девчонку в распадок, Самурай быстро осмотрелся и, мрачно качнув головой, принялся обыскивать тела. Точнее то, что от них осталось. Немой умудрился закинуть гранату прямо в костёр, вокруг которого собралось всё семейство. После взрыва от родственников мало что осталось.

Вскоре к ним присоединился и Немой. На плече у разведчика висело два ружья и старый, но ухоженный автомат. Обыскав трупы, Самурай стал обладателем двух пистолетов, ПМа и переделанного из травматического оружия одного одноствольного обреза и кучи разнокалиберных патронов. Ещё у каждого родственничка обнаружилось по охотничьему ножу, но внимания оказались достойны только два.

Рюкзак главаря выдал не только патроны, аптечку первой помощи и консервы, но ещё и увесистый свёрток, развернув который, Самурай обнаружил впечатляющую коллекцию золотых украшений. Кольца, цепи, броши, браслеты – всё это лежало перепутанной грудой маслянисто блестящего металла.

Очевидно, всё найденное главарь старательно вычищал перед тем, как хозяйственно уложить в рюкзак. Немой, не теряя времени даром, собрал все валявшиеся в куче рюкзаки и, недолго думая, принялся переворачивать их, вытряхивая содержимое на землю. В итоге, после такого глобального шмона, перед разведчиками выросла солидная куча боеприпасов, консервов и всяких нужных в отрыве от цивилизации мелочей, включая туалетную бумагу.

Неопределённо хмыкнув, Немой задумчиво постоял над этой кучей и, присев на корточки, принялся собирать в рюкзак главаря то, что считал нужным. Набив рюкзак почти доверху, он тщательно застегнул клапан и, выпрямившись, мрачно посмотрел на Самурая.

Моментально сообразив, о чём он хочет спросить, Самурай чуть пожал плечами и, словно заметив что-то на гребне распадка, насторожился. Удивлённо следившая за ним девчонка обернулась, и в ту же секунду он навёл дробовик ей в затылок и нажал на курок.

Резко дёрнувшись, ружьё выплюнуло заряд картечи, снёсший ей голову. Удар был так силен, что девчонку отшвырнуло в сторону, как тряпичную куклу. Мрачно поморщившись, Немой растерянно качнул головой и, разведя руками, всем своим видом изобразил удивление.

– Чего? – не понял Самурай.

– Зачем? – хрипло спросил напарник.

– А ты что хотел предложить? Отпустить её?

Немой задумчиво кивнул.

– Зачем? Чтобы она привела других? Нет, старина. Я, конечно, не святой, но есть вещи, которых прощать нельзя. Она, хоть и девчонка, но падальщик, – решительно ответил Самурай.

Неопределённо пожав плечами, Немой махнул рукой, мол, всё равно ничего не исправишь, и, развернувшись, исчез в кустах. Удивлённо посмотрев ему вслед, Самурай закинул на плечо трофейный рюкзак и решительно зашагал в ту же сторону.

К тому моменту, как он с трудом проломился сквозь сплошные заросли ежевики, чудом выжившей после Потопа, напарник уже успел раскидать срубленные топориком ветки. Подойдя поближе, он увидел старательно замаскированный грузовой квадроцикл, в кузове которого лежала резиновая лодка с подвесным пятидесяти сильным мотором и куча оборудования для подводного плавания.

Бросив в кузов квадроцикла рюкзак, Самурай задумчиво посмотрел на напарника и, поправив ремень автомата, спросил:

– Может, если он заправлен, нам стоит доехать до города на нём?

Постучав по бензобаку, Немой поднял вверх большой палец, показывая, что машина полностью готова к работе.

– Ну и отлично, – улыбнулся Самурай. – До места с ветерком прокатимся.

Но Немой, отрицательно качнув головой, приложил ладонь к уху, делая вид, что прислушивается. Таким образом он хотел сказать, что шум мотора будет слышен далеко. Чуть подумав, Самурай покачал головой.

– Не думаю. Падальщикам лишний шум тоже не нужен. Давай заведём и попробуем погонять его на больших оборотах. Всё равно уже нашумели тут дальше некуда.

Пожав плечами, Немой повернул ключ, который мародёры даже не удосужились выдернуть из замка зажигания, и нажал кнопку стартера. Чуть скрежетнув, отлично отрегулированный мотор завёлся и едва слышно залопотал, выбрасывая в морозный воздух струю горячего пара.

Присев перед моторным отсеком, Самурай внимательно осмотрел глушитель и, усмехнувшись, одобрительно кивнул. Выпрямившись, он с улыбкой посмотрел на напарника и, бросив в лодку дробовик, сказал:

– Садись, старина. Эта штука шумит чуть сильнее новой машины. Они глушитель переделали. Можно ехать. Надеюсь, бензин у них припасён?

Вместо ответа Немой показал ему пять пальцев.

– Пять канистр? – утвердительно спросил Самурай.

В ответ напарник кивнул и, ткнув пальцем на водительское сиденье, ловко запрыгнул в лодку. Управлять любой техникой он предоставлял напарнику. Усевшись в седло, Самурай выжал сцепление и, включив передачу, плавно тронул квадроцикл с места.

Чуть слышно заурчав, мощная машина легко вынесла их на дорогу и, подминая широкими шинами кусты, покатила к видневшимся вдали развалинам.

* * *

Проснулся Пашка от странного, давно забытого ощущения. Открыв глаза, он обвёл комнату быстрым взглядом и, убедившись, что в палате никого нет, медленно поднял голову, одновременно пытаясь понять, что его разбудило. Ощущение было смутно знакомым и почему-то сильно его беспокоило.

Так и не разобравшись, чем именно, Пашка медленно поднялся и, прошлёпав босыми ногами по ламинированному паркету к окну, осторожно выглянул за жалюзи. На улице стояла глубокая ночь. Двор госпиталя скрывался в тени высоких платанов, а одинокий фонарь, горевший где-то над забором, казался маяком, зажжённым на далёком берегу.

Усмехнувшись про себя подобным аллегориям, Пашка вернулся к кровати и, задумчиво посмотрев на двери, обвёл палату медленным взглядом. Ему нужно было что-то, чем можно защищаться. И нужно ему это было как можно скорее. Что-то, явно внутреннее, не просто говорило, а буквально вопило об этом.

Решив послушаться своего внутреннего сторожа, Пашка подхватил из угла стул и, подперев его спинкой дверную ручку, принялся быстро обыскивать палату в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать как оружие. Как назло, в палате, кроме кучи оборудования и нескольких пластиковых бутылок в холодильнике не было ничего.

Ещё раз осмотревшись, Пашка выдернул из неработающего прибора провод подлиннее и, привязав к одному концу пластиковую бутылочку с водой, получил слабое подобие кистени. Хоть какое-то, но оружие. Подкатив кресло, в котором обычно сидела рыжая медсестра, к стене рядом с дверью, Пашка уселся и принялся ждать.

Тусклая синяя лампа дежурного света едва освещала палату, и Пашка умудрился сесть так, что увидеть его из окна или быстро войдя в палату сразу было невозможно. Неожиданно ночную тишину госпиталя нарушили тихие, едва слышные шаги.

Кто-то остановился рядом с дверью и, потоптавшись, осторожно нажал на ручку. Хлипкий стул старательно воспротивился этому действию, и пришедший тихо выдохнул какое-то ругательство. Пашка покрепче сжал свой кистень и, поднявшись, встал за кресло, тихо пробурчав себе под нос:

– Предчувствия его не обманули.

Стоявший за дверью, в очередной раз выругавшись, принялся возиться явно с чем-то железным. Что-то тихо клацнуло, и на дверь неожиданно обрушился шквал бесшумного огня. За дверью раздавались только тихие хлопки, напоминавшие кашель, лязг затвора и звон падающих гильз. Втянув воздух сквозь сжатые зубы, Пашка поспешно прикрыл лицо локтем, стараясь защитить глаза от летящих во все стороны щепок.

На интерьере в этом госпитале явно не экономили. Дверь была сделана из чистого массива дерева, и теперь щепки, выбитые автоматной очередью, летели во все стороны не хуже шрапнели. Стоявший за дверью явно не испытывал нужды в боеприпасах, поливая дверь и палату через неё длинными очередями.

Дождавшись, когда в коридоре раздастся лязг пустого затвора, Пашка быстро вытянул ногу и, толкнув стул, отскочил на место, отведя руку с импровизированным кистенём в сторону, для удара. Убийца, быстро сменив рожок, передёрнул затвор и, услышав стук упавшего стула, снова взялся за ручку двери.

Дверь отворилась, и фигура, одетая в странный чёрный балахон, бесшумно проскользнула в палату, старательно удерживая ствол с глушителем, направленным на койку, где уже должен был остывать Пашка. Будучи категорически несогласным с такой постановкой вопроса, Пашка, не давая противнику времени на то, чтобы понять, что койка пуста, с силой врезал ему кистенём по лицу.

К чести имперских производителей, пластиковая бутылочка выдержала столь необычное испытание. Не ожидавший нападения убийца громко охнул и, схватившись за лицо, согнулся пополам. Не давая ему опомниться, Пашка принялся колотить его кистенём, норовя попасть по голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.